

Даша Пахтусова
и девчонки

И ТОГДА Я ПОНЯМА

95 честных историй
о жизни как она есть

содержит
нецензурную
лексику
18+

Книги, которые все ждали

Коллектив авторов

**И тогда я поняла. 95 честных
историй о жизни как она есть**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

Коллектив авторов

И тогда я поняла. 95 честных историй о жизни как она есть /
Коллектив авторов — «Эксмо», 2020 — (Книги, которые все
ждали)

ISBN 978-5-04-116822-3

Знаменитая писательница и путешественница Даша Пахтусова уверена – истории каждого из нас гораздо круче и невероятней, чем придуманные сюжеты фильмов и книг. В доказательство она предложила своим читательницам поделиться реальными случаями из жизни. Единственным условием стала фраза «И тогда я поняла». Невероятные истории девушек не оставят равнодушными даже самые «бывалые» сердца. 95 девчонок поделятся своим сокровенным опытом, расскажут о любви и предательстве, жизни и смерти, дружбе и смелости, своей боли и рвении к победе. Эта книга заставит вас убедиться, что жизнь невероятна и многогранна.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

ISBN 978-5-04-116822-3

© Коллектив авторов, 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	6
Ночь в невесомости	7
Чего хотят мужчины	9
Землетрясение в Мексике	10
Восемнадцать мне уже	12
Мы	14
Но тогда я только начинала учить испанский	17
Время быть взрослыми	19
Босс	22
Музыка	24
Моя подруга Mary Jane	27
Я ничего не поняла	28
Дыхание смерти	32
Санта-Клаус на пути Сантьяго[30]	34
Балкон	37
Самая смелая девочка	38
Чайки – мрази	41
Завязка	42
Основное действие	43
Кульминация	44
Мораль	45
Кулон с кристаллом	46
Одуванчики	48
Школьная любовь	49
История спасения котенка	50
Скорая помощь	52
«Бабушка легкого поведения»[39]	53
Призвание – прочерк	55
Пальчики	56
Я уж думал, ты не попросишь	58
Димка	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

И тогда я поняла. 95 честных историй о жизни как она есть

© Пахтусова Д.А., автор-составитель, 2020

© Старцева А.С., иллюстрации, 2020

© Снегова В.Е., литературная редакция, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Бабушке, маме и сестре, а также моему долгому пути к осознанию
того, что быть женщиной – значит быть великой.*

Даша Пахтусова

Предисловие

Господи, что тут писать... Так...

Привет, меня зовут Даша. Большую часть своей жизни я провела в путешествиях и самых разных приключениях, о чем я писала в своем блоге. В 2019-м на свет вышел мой роман под названием «Можно все». Это была автобиографическая книга о семи годах жизни в дороге и обо всем, что я за это время поняла. На написание и издание ушло добрых три года.

Короче говоря, вышел огромный талмуд, после издания которого я была в серьезной панике. Мне казалось, что я сказала ВСЁ. Вы представляете, что такое для писателя – сказать ВСЁ? Но потом я подумала: раз мне пока нечего рассказать, может быть, настало время послушать других?

Ведь каждый из нас – кладезь невероятных историй, самого разного, порой волшебного, порой страшного опыта. Мы – набор уроков, провалов и побед. Вся наша жизнь – это путь к совершенству. Возможно, мы достигнем его к финалу, а может, нет. Но мы учимся. Как правило, исключительно на своих любимых и дорогих впоследствии ошибках. Делаем выводы, ставим их «черепахами»¹ на оставшиеся годы и продолжаем жить дальше.

Можно сколько угодно считать свой опыт уникальным. Но правда в том, что никто не круче, нас просто перетасовали и дали каждому изначально разный расклад. Наши декорации могли отличаться, но выводы... Будут ли они различаться? Или все мы в общей сложности скажем об одном? Что, если каждый из нас поделится друг с другом чем-то, что стоило ему потраченных лет, слез, пота, крови? Научимся ли мы чему-то на опыте других?

С такими словами я предложила своим читателям выпустить вместе книгу «И тогда я поняла». Оставила свой имейл и указала одно правило: текст должен содержать эти слова. И письма полетели. На удивление, практически только от женщин. Сначала я расстроилась, стала пинать подписчиков-мальчиков. А потом, по мере чтения, меня увлекла та невидимая нить, которая тянется через все эти женские истории. В чем она?

Это мне скажете вы.

Я просила указывать названия городов, где они родились и где живут сейчас. Мне кажется, это интересно. Хронология историй не менялась. Они идут друг за другом по мере поступления на мою почту. Мы не стали перетасовывать их на подтемы или настраивание, а предоставили Вселенной самой рисовать свой узор. По мне – жизнь хаотична и не поддается порядку. Целью проекта было в том числе показать это.

Перед вами истории актрис и пианисток, врачей и студенток, балерин и работников колоний, химиков и режиссеров, писательниц и гимнасток, мам и дочек... Это книга о нас. Это наша книга.

Спасибо нашему иллюстратору Ане Старцевой, редактору Маше Кожевниковой, Лере Григорьевой, с которой мы записываем аудиокниги, это она убедила меня подавать проект в издательство. И всем, кто доверил мне свои письма. Они все были прекрасны.

А кто-то уже ведь по-любому написал: «И тогда я поняла, что надо было брать 2/знак бесконечности бутылки?»

Настя Дягилева, автор одного из рассказов

---

¹ Речь идет о мифе, что мир стоит на огромной черепахе. То есть мы ставим свой мир, берем за основу построения своей дальнейшей жизни сделанные путем проб и ошибок выводы.

Ночь в невесомости

Вероника Лысенина

Томск – Бали

Писательница

История эта с времен, когда я работала на круизном лайнере посреди Тихого океана. Это был мой первый и последний контракт. Я ничего не знала ни о морях, ни о качках в океане, ни о судах. И вообще жизнь меня к такому не готовила. Я оказалась там по воле судьбы.

Работа казалась легкой и сказочной на бумаге: хранительница вин – сомелье с бесконечно свободным временем для исследования новых стран и континентов. «Главное, вечером немного работать для стареньких гостей-миллиардеров, открывать настолько же дорогие и старинные вина», – звучало в моей голове. Наяву все оказалось немного иначе, термин такой есть – «рабство». Работали мы по 18 часов в сутки, а когда судно в океане, то и все 20 вкалывали. Однако вина и гости и вправду были старые и дорогие. Мистеру Тому было 102 года, а самому молодому пассажиру – лет 75... Они-то уже жизнь повидали, а мне было лет 26, и я помирать была не готова.

Но забудем о внешних моментах и спустимся в глубь истории – на нижние палубы, куда гостей не пускают и нет ни окон, ни дневного света, только волны бьют об иллюминаторы. Палубы те находятся ниже water line², то есть под водой, – там-то мы и жили. И среди всех этих извилистых туннелей и переходов есть 15 квадратных метров, где каждый вечер начинает работать «Бар для Трудяг», мечтающих стереть воспоминания о бесконечном рабочем дне.

Музыка гремит до двух ночи, из этого периметра валит клубами дым от сигарет, и с десятка три человек пытаются снять стресс. В руках каждый из нас держит как минимум изысканный односолодовый Macallan³ или Glenmorangie⁴, заблаговременно стащенный из позолочено-дубовых шкафов верхних палуб. В этом сомнительном месте есть своя харизма и шарм, среди толпы офицеров и хостес, метрдотелей и ресепционистов, здесь пиджаки висят на плечиках стульев, а девушки развязывают галстуки с рубашек.

С минуты на минуту начнется шторм.

Я наблюдала за всем как будто со стороны, и мое тело не знало, к чему готовиться, пока нос корабля не подкинуло вверх. Первая волна – семь метров, она же самая мощная – подкинула нас ввысь. Тот момент невесомости, когда ты привстаешь на цыпочки и все твоё тело тянется макушкой вверх, бокал не поспевает за высокоградусным напитком, и вас тут же прижимает вниз. Тело, как пружина, сжимается вновь, и твоя голова уходит в плечи, а легкие – в живот. Ты узнаешь, что такое килевая качка (нос-корма).

Но не тут-то было, бортовая (с боку на бок) качка идет следом. И ты, перебирая ногами под собой, летишь влево, взлетая вверх, и тут же вправо, вжимаясь обратно вниз.

---

² Water line (англ.) – линия воды относительно судна.

³ Macallan – шотландский бренд виски из региона Хайленд.

⁴ Glenmorangie – шотландский бренд виски из одноименной винокурни в Хайленде.

Бывалый коллега кричит: «DJ, ставь джаз!» – и начинается полный рок-н-ролл. 5 метров удар... 7 метров: все летят вверх, 4 метра... удар, волны длиной в 60 метров, в starbord side (правый борт), 5 метров... удар, волны в port side (левый борт).

Полночь. Во тьме бурлит океан, а вместе с ним – еще где-то 12 палуб теплого света, с пятьюстами пассажирами, летающими на своих кроватях в такт с природой. За окном завывает неугомонная стихия, шторм – 6,5 балла, а дым сигарет заполняет все иллюминаторы, под водой грохочет блюз, и три десятка человек выполняют чудеса эквилибристики. Пройти больше двух шагов, не врезавшись в стену или с кем-то не столкнувшись, не получится. И от этого становится только веселее. Новоорлеанский джаз завел всех, и ноги вдруг научились танцевать твист, и джайв, и хастл, и свинг, и рок-н-ролл, виски льется рекой... Мы буквально живем в ту ночь, веря только в Бога и музыку. Еще удар 65 метров, я лечу вверх, молодой офицер тоже летит, ловит мой взгляд, приземляясь, хватая меня за руку и кружит в такт с бешеным ритмом джаза, ах! Спасибо, Луизиана, за музыку! Мы все летаем вверх и пружиним вниз. Так океан укоренялся в нашем мировоззрении, во мне. И только тогда я поняла, что значит отдаться стихии и просто жить секундами вдоха и выдоха, на полную катушку, ведь, веря в силу капитана, мы знали: нам повезет, и мы пройдем дьявольский Бассов пролив, отделяющий Тасманию от Австралии. А если нет? Тогда у нас останется джаз и драйв с улиц Нового Орлеана...

Качка не стихала 5 дней. Мы работали, пили, ели, смеялись, танцевали и верили в Бога. Наши движения стали плавными, а отношение ко всему – чуть спокойнее и добрее. Когда мы достигли суши, судно отправили в док на починку разбитых палуб.

А мы, сойдя на твердую землю, пошли по ней, но взгляд остался устремленным вдаль, наверное, в ту стихийную ночь в невесомости.

Чего хотят мужчины

ТАНЯ КНЯЗЕВА

Воронеж

Лэшмейкер

Детство, как полагается в отличных книгах, у меня было сложное. Изредка появляющаяся мать, множественные отцы-наркоманы-алкаши-слегка педофилы, бабушка, которая кормила ролтоном на протяжении долгого времени. Отсюда, конечно, все сложности с социальной адаптацией. Работать я начала рано, спать с мужчинами тоже – все лет с тринадцати. Стала взрослеть во всех смыслах. И тогда я поняла, чего хотят мужчины и как я могу ими крутить, получая блага этого мира. В 18 лет пошла в стриптиз. Хотя стриптизмом это место называлось условно. Подвал, в котором девки продавались (не задешево... Слава богу?), за 20–25 тысяч рублей.

Началась «веселая» жизнь. Череда приключений, шальных денег, которые уходили быстрее, чем приходили, наркотиков. Как-то зимой мы с подругой убежали по частному сектору без денег и вещей от двух негров, которые очень хотели нас «в два смычка». Однажды меня и еще трех девчонок пьяный фээсбэшник «выкупил» из клуба и повез кататься. Завез в лес, достал из бардачка ствол и начал подробно описывать, как с помощью этого «красавца» может черепа нам раскрошить. И ничего ему за это не будет. И тогда я поняла – второй жизни у меня не будет.

И схоронилась. От всего плохого и хорошего. Нашла обеспеченного парня и стала его любимой «дочуркой». О которой заботятся, которую оберегают, но не трахают, детей ведь трахать нельзя.

Три года жила как в пузыре. Как в лоне у матери. Все тихо, спокойно, комфортно, без особых происшествий. Без плохого и хорошего – нейтрально. А потом я начала болеть. Одно, другое, третье. И вот сейчас я поняла, что получила эту родительскую любовь, которая была мне нужна, и готова наконец вырасти и стать взрослой, стать женщиной.

Пакую чемоданы. Пакую мысли о новой жизни. Я разрешила себе мечтать и осознала, что двигаться можно в любую сторону, можно все.

Землетрясение в Мексике

Юля Клыкова

Москва – Мехико

Искатель музыки и приключений, диджей, муза

Мехико – сейсмоопасная зона. Город расположен на плато, находящемся на высоте 2234 метра над уровнем моря. Его окружают горы вулканического происхождения, а само плато некогда было озером, которое осушили, чтобы построить город. Близкие грунтовые воды сыграли злую шутку, поэтому при возникновении сейсмических волн земля под ногами легко приходит в движение. Всего в истории города два фатальных землетрясения.

Первое случилось 35 лет назад, в 1985-м, и унесло жизни 10 000 человек. Когда я узнала об этом, я поняла, что оно случилось ровно в тот момент, когда я появлялась на свет! Не знаю, верите ли вы в реинкарнацию и прошлые жизни, но у меня побежали мурашки по спине от осознания этого факта. Не просто же так я тут оказалась, да?

Второе землетрясение произошло ровно 32 года спустя в ту же дату, в сентябре 2017 года. Тогда погибло около 200 человек. Пострадало всего два района, но для всех это был огромный психологический шок, особенно для тех, кто застал трагедию в 1985-м. Друзья рассказывают, что землетрясение во многом повлияло на их жизнь. Оно сильно сплотило жителей города: люди сами помогали спасателям разбирать завалы, многие открывали двери своих домов для тех, чьи жилища были разрушены. Для многих людей это стало поворотным моментом, который заставил поменять в жизни что-то важное прямо сейчас, не дожидаясь светлого будущего, которое может никогда не случиться.

Честно сказать, я обо всем этом не знала, когда решила пожить в Мехико. Прошло два месяца после переезда, было 2 февраля 2017 года. Мы сидим в кафе в хипстерском районе Кондеса с моим другом-диджеем Диего. Обаятельный итало-мексиканец, взрывоопасная смесь, сексуальный диджей – мечта девчонок. Ко всему прочему суперинтересный собеседник и талантливый артист. Познакомились мы на какой-то вечеринке в Тулуме: он отыграл сет, я подошла поболтать, заметила у него татуировки над коленями, на одной было написано его диджейское имя – Concret, на другой – Music. Спросила: «О, это для того, чтобы девушка, стоя перед тобой на коленях, не забывала, с кем имеет дело?» Он оценил шутку, мы подружились. В жизни он оказался интеллигентным и скромным парнем, но на сцене его сопровождал звон бьющихся сердец.

Я целый месяц пыталась поймать его между концертами и работой в студии, чтобы сделать интервью для моего блога. В тот день, когда мне это удалось, мы болтали о музыке, творчестве и жизни, я записывала все на диктофон. Я сидела спиной к улице и увидела только, как взгляд Диего поменялся, он резко встал и сказал мне: «Бери все и пойдем». Мы вышли на улицу и увидели настоящий зомби-апокалипсис! Люди выходили из всех дверей, подъездов и кафе, ровным строем шли в одном направлении – к парку, дальше от жилых домов. Монотонная сирена, голос из преисподней вещал: «Алерта сейсмика! Алерта сейсмика!»⁵

---

⁵ Alerta Seismica – оповещение о землетрясениях.

Мы присоединились к толпе. Диего взял меня за руку, начал шутить и улыбаться. Моей единственной мыслью в тот момент было: «Если мы сейчас все умрем, то я хотя бы в классной компании!» Мы дошли до небольшого сквера, влились в толпу людей и стали ждать. В воздухе повисли пугающее ожидание и общая паника. Непонятно было: сейчас на нас начнут рушиться дома или это учебная тревога? В какой-то момент раздался грохот, земля под ногами начала двигаться, как будто я ехала по неровной дороге на скейте. Это продолжалось меньше минуты, отовсюду слышался звук обваливающейся штукатурки, бьющихся окон. Я не успела сильно испугаться, потому что Диего был спокоен как удав, держал меня за руку и продолжал шутить. Как будто он так каждую неделю по парку гуляет. Но на самом деле, я уверена, он просто хотел успокоить меня. Все утихло, и мы вернулись в кафе. Второй раунд (называется афтершоком) случился через час, мы снова выбежали на улицу и подождали, пока нас немного качнет. Как выяснилось потом, потряхнуло Мехико на 7,2 балла. К счастью, обошлось без жертв и разрушений, так как эпицентр находился где-то далеко от Мехико-Сити.

Но вот что интересно: в момент землетрясения мысли мои были не о том, как прошла моя жизнь и чего я достигла, не о том, реализовала ли я свои мечты, была ли я хорошей девочкой или выносила кому-то мозги. Я думала: «Где я? С кем? Что делаю здесь и сейчас? Там ли? С тем(и) ли?»

Я на 100 % переживала остроту настоящего момента.

И тогда я поняла, что ответ – да! Прямо сейчас я в своем любимом городе, с одним из самых прекрасных его жителей, мы ведем душевный разговор про музыку. Я занимаюсь тем, что люблю больше всего на свете, и только это действительно важно. Будьте, пожалуйста, счастливы – в этом самом моменте и с теми, кто в нем.

Восемнадцать мне уже

Даша Ершова

Нерюнгри, Республика Саха – Владивосток

Студентка магистратуры

Ночь все перевернет
И оставит боль на потом,
Точно еще повезет
С теплом

Animal ДжаZ – Три полоски

Тем летом, которое и летом назвать нельзя – настолько паршивой была погода, – мне только стукнуло восемнадцать. Оглядываясь назад, я думаю, что кто-то там, наверху, ждал момента, когда меня можно скорее забрать на законных основаниях и увезти за сто морей, чтобы перевернуть вверх дном всю мою прежнюю жизнь. И тогда я поняла, что жизнь, в сущности, делится на «до» и «после».

В ту ночь мы с подругой совершенно неслучайным образом попали на закрытие бара «Контрабанда», который был пристанищем музыкантов со всего Дальнего Востока и ближнего зарубежья. Этот бар был про джаз, но в ту ночь там выступали молодые рокеры *intouchwithrobots*, родом из родного нам с подругой Хабаровска. В принципе, этот факт показался нам веским поводом, чтобы совершенно юных, наглых девчонок пустили в это проклятое, в хорошем смысле, место. Охранник на входе взялся ручаться за нас головой и запретил пить и кадрить мужиков. И вот уже через пару минут мы стояли у сцены с бокалами пинаколады и готовились биться в немыслимом припадке под *progressive rock*.

Сразу после этого эпического зрелища мы пошли искать свободные диванчики, чтобы унять дрожь во всем теле. Два заботливых старикана предложили нам посидеть у них на коленках. Один даже порывался кормить меня с ложечки и спаивать втихаря проташенной в бар водкой – настолько эти двое были пьяны. На удивление быстро мы с ними разговорились, все время смеясь над одними и теми же шутками и давая друг другу «пять».

И тогда я поняла, что ночь стирает все границы. Социальные в том числе. Ведь, как только эти престарелые рокеры стали переходить границы, мы смешались с толпой и вытекли на веранду. Она, к слову, была фантастическая: обнесенная стенами из кирпича XIX века, скрытая от городского шума деревьями, словно другая Вселенная. На подоконнике сидел мужчина с гитарой и пел песню «Сплин» «Скоро будет солнечно». Мы плохо знали слова, но это было не важно. Все подпевали ему, а его голос напоминал Владимира Высоцкого. После этого другой мужчина (позднее он стал кавалером моей подруги) спросил, что сыграть.

Я и какой-то парень одновременно выпалили: «Давай «Пятницу»!» Я обернулась – и сразу влюбилась. Окончательно и бесповоротно. И тогда я поняла, что любовь с первого взгляда есть. Вот же она, черт возьми! Мы улыбнулись друг другу, обменялись номерами и записали друг друга: «Прекрасная Встреча Посреди Ночи». Он все не верил, что такое бывает,

и долго трогал меня руками, проверяя, настоящая ли я. Дошло до того, что он подбросил монетку, желая узнать, стоит ли нам продолжать то, во что нас втянуло. Выпало «нет». Он развернулся и ушел, а я так и продолжала стоять в полном оцепенении. Я уже ушла пить вино с директором бара, когда он вернулся, подошел ко мне и спросил: «Как какая-то монетка может решать мою судьбу?» Клянусь, в тот момент он был прекрасен.

Дальше жизнь закружилась как юла. Я выходила на остановку, откуда он забирал меня на своей огромной дорогой тачке, и мы сбегали к морю слушать музыку и разговаривать обо всем на свете. На пару нам было почти 50 лет. Нам было хорошо вместе. По коже бегали мурашки. Тогда я поняла, что возраста не существует. Когда он поцеловал меня, мне казалось, он вот-вот заплачет. Он был уверен, что это плохо закончится, и всячески пытался оборвать те красные нити, связавшие нас крепче крепкого. Он избегал встреч и старался быть холоден. Мне не хватит пары страниц, чтобы рассказать все важное, поэтому перейду к неизбежному.

Мы расстались в густом тумане, утешительно обнявшем весь город. Сначала я уехала в путешествие, затем он уехал в командировку. «Он уехал, опять не уехал» – так спел Леонид Федоров, и был прав. Он уехал, а моя любовь осталась навсегда.

И тогда я поняла, что любовь – это подарок, а подарки, как известно, возвращают при расставании только конченные кретины. Я поняла, что буду любить его вне времени и обстоятельств, без меры и без толка. Все истории подходят к концу, но заканчиваются они только в нас самих.

Пусть в моей жизни будут еще любовники, близкие люди, я всегда буду знать, что любви хватит на всех. «Oh, and it makes me wonder»⁶.

---

⁶ Песня группы Led Zeppelin – Stairway to Heaven.

Мы

НАСТЯ Зинченко

Москва

Студентка филологического факультета

Весна второго курса, и я влюблена в тебя до чертиков, до умопомрачения, до опьянения с одного бокала белого полусухого где-то в переулках Москвы.

Мы шли по Китай-городу. Солнце светило прямо в лицо, приходилось щуриться. Был апрель. Тогда еще нужно было ходить в пальто, но на ногах уже красовались прошлогодние синие кроссовки, те самые, которые я выпросила у мамы на какой-то мелкий праздник. Юбка сочеталась с помадой, и кроссовки казались лишними, но я упорно пыталась совместить «спорт» и «ретро». К груди был прижат старенький томик Вудхауса, который мы откопали в «Ходасевиче». Мы ходили туда-сюда по комнатке в девять квадратных метров, заставленной пыльными томиками, и выискивали что-то. Когда мне попадалось знакомое название, я дергала тебя за рукав куртки и придумывала что-то смешное, морща лоб и делая вид, что это очень серьезно. Ты улыбался, я отворачивалась, потому что было невозможно смотреть на твои ямочки. Люди приходили и уходили, девочки-продавщицы то и дело выходили курить, а мы сидели на стопке книг и окунались в твое и мое детство. К слову, твоего было больше.

«Твоего» было больше всегда. Времени, сил, уверенности. Всего. Много сигарет и еще больше историй – бесконечное количество. Ты их доставал из закоулков своего сознания и укутывал в них меня, как в плед. Я жила ими, а ты состоял из них, как лоскутное одеяло из старых футболок, которым решили дать новую жизнь. Иногда рассказанная тобою история казалась сюжетом неснятого, но продуманного до мелочей фильма. В такие моменты я представляла себя с рупором на съемочной площадке и тебя в смешной режиссерской шапочке и коричневой куртке, с сигаретой в руках. Все, что мы придумывали, все, что ты рассказывал, казалось очень смешным, но никак не глупым. Как будто бы глупости и не было вовсе, как будто бы ты изначально запретил ее существование, а я приняла это как закон Архимеда.

Улица была наполнена прозрачным весенним солнцем, снега уже практически не было, а до экзаменов оставалось еще добрых полтора месяца. Ты жил в общежитии в Одинцове, я – в старой квартире в Москве. Я преподавала в летней школе, ты доделывал свой проект в Центре Сахарова. И ровно в тот момент, когда до «нас» оставалась неделя, ты позвонил и сказал, что вылетел из вышки и возвращаешься домой, во Владивосток.

* * *

Мы стояли в аэропорту, ты вытирал мои слезы руками. Все вокруг замедлялось, таяло, исчезало. Я знала, что через несколько минут ты пойдешь на посадку, улетишь к морю и больше никогда не вернешься. В ту ночь, когда ты позвонил, мы обсуждали Питер и Крым, билеты на октябрь, совместные праздники. На самом-то деле каждый из нас знал уже тогда, что ни Крыма, ни Питера не будет. Не будет совместных праздников. Эти мысли были со мной и в последние минуты перед посадкой, когда ты притянул меня к себе и обнял так крепко, что нечем было дышать.

Я стояла в зале Домодедова и ревела. Мимо ходили люди, ездили тележки с багажом, но этот зал для меня был абсолютно пустым, потому что в тот момент, когда твой самолет взлетел, вокруг не осталось ничего: такси, центральные улицы Москвы, моя квартира. Город был пуст.

Спустя полтора года мне прилетело в день рождения от тебя сообщение в две строчки. Значит, ты все еще помнил.

И тогда я поняла: все мы найдем своих сумасшедших, готовых на подвиги, слезы счастья и горя, километры в погоне за мечтой, часы напряженной работы и сотни дней, потраченных на что-то, по нашему мнению, стоящее. Все мы найдем своих сумасшедших. Будут ли они пойманы с поличным где-то в Москве или Питере, или же жизнь нас сведет в совершенно ином пространстве и времени? Где-нибудь в тропических лесах Перу или на склоне гор, где пахнет козами и лавандой. Столкнемся ли мы в переходе метро, или они нагрянут спустя много лет, не сказав даже «привет», просто запрыгнут в последний вагон уходящих чувств и не отпустят. Все мы найдем своих сумасшедших, готовых нас убаюкивать в страшные ночи и долгие зимы, переживать карантин по Zoom и не стесняться в выражениях, если это действительно нужно, или стесняться, раз уж на то пошло. Все мы найдем, правда, я верю. Потому что это доказывают сотни историй, сотни людей, любящих и любимых, говорящих на разных языках и смотрящих разными глазами на одни и те же вещи.

Потому что однажды я видела садящегося на самолет человека, который сказал, что вернется и, понятное дело, остался там, на другой планете. Я чувствовала на своей коже его запах и слышала голос, ловила похожие образы в метро и, засыпая на его плече, думала, что завтра все может рухнуть, но, главное, сейчас я счастлива. И если есть – а она есть – любовь сильнее той, что я ношу в себе несколько лет, значит, я обязательно встречу с кем-то таким же сумасшедшим, как я.

Но тогда я только начинала учить испанский

УЛИ ЮРС

Москва – Барселона

На полпути к переводчику с испанского

Я тогда только начинала учить испанский и не подозревала, сколько меня ждет открытий и разочарований, друзей и любовников, не умела отличить тапас⁷ от пинчос⁸, мескаль⁹ – от текилы, а каву¹⁰ – от чаколи¹¹. Впереди были километры дикого севера на автобусах и автостопом, дождливой загадочной Галисии, расслабленного танцующего юга, гордого центра и любимой Каталонии, научившей меня есть рап con tomate¹² и не стесняться своего громкого смеха.

Но тогда я только начинала учить испанский. Мы вышагивали с высоченным смуглым Чави по кварталу Барселонетта, рядом кричали дети и чайки, пахло жареными осьминогами, канализацией, солью, клубникой и морем, глаза слезились то ли от солнца, то ли от осознания разнообразия и полноты жизни – можно было впиваться в нее зубами, как в сочный каталонский арбуз, чтобы сок стекал по подбородку, утирать его рукавом и хохотать над незамысловатыми шутками моего спутника.

Мне очень хотелось тоже как-то пошутить, выразить свои чувства, ответить на его выпады, и я сделала отчаянную попытку сформулировать все это по-испански. Из рта моего вышел набор слов, который в переводе на русский звучал бы примерно так:

– Море люблю. Мне нравится испанский, люблю тоже. Шутить хорошо, сейчас я ребенок говорю, а хочу как большой, без шутки плохо живу.

Чави остановился, посмотрел на меня очень внимательно, изо всех сил пытаюсь не расхохотаться, а потом произнес медленно и нараспев:

– Нена¹³, выражать свои мысли на испанском ты точно научишься, а сейчас, что бы ты ни сказала, звучит так смешно, что шутить вовсе не обязательно, ты прекрасна со своим хреновым испанским.

И тогда я поняла, что этот момент не повторится. Что мой castellano¹⁴ действительно очарователен в своем уродстве, что все этапы нашей жизни можно сравнить с изучением иностранного языка.

---

⁷ Тапас – маленькие бутерброды, подаваемые к пиву или вину. Часто входят в стоимость напитка.

⁸ Пинчо – закуска, которую рекомендуется заказывать за отдельную плату к пиву или вину. Проще говоря, это название тапас в регионе Испании под названием «Страна Басков».

⁹ Мескаль – напиток на основе ферментированного сока агавы.

¹⁰ Кава – произведенное в Испании игристое вино.

¹¹ Чаколи – очень сухое белое вино, слегка игристое, производимое в некоторых испанских провинциях.

¹² Рап con tomate (исп.) – хлеб с помидором.

¹³ Nena (исп.) – малышка, детка.

¹⁴ Castellano (исп.) – испанский язык.

Ты учишься каждую минуту, ты снова ребенок, поэтому жадно лови любое новое слово, хохочи над хуэвосами¹⁵ и миньетой кончитой¹⁶, отчаянно пытайся научиться говорить складно, пусть взрослые хихикают и умиляются над этими прекрасными в своей нелепости попытками.

Ты учишься играя, встречаешь учителей повсюду: выучи слово *chiringuito*¹⁷ на пляже, *dos chupitos*¹⁸ – в барах, *mamada*¹⁹ – в постели, *vete a tomar por culo*²⁰ – на темной улице в 4 утра, *me importa tres cojones*²¹ – когда любовь всей твоей жизни окажется каброном²², а все остальные серьезные и умные слова ты узнаешь на практике в новостном агентстве, куда попадешь, наврав с три короба о своем опыте и образовании.

Самые беспомощные и, казалось бы, унижительные моменты – частицы того калейдоскопа, из которых складывается жизнь – такая неровная, ласковая, грубая, отчаянная и веселая, как мой нежный мальчик Хавьер.

А пока мой долг – плохо шутить и хорошо смеяться (ну и трахаться с удовольствием).

Смуглый Чави покинул меня через пару месяцев, преподав мне еще один важный урок, но об этом в следующий раз.

А тогда я только начинала учить испанский.

---

¹⁵ Huevos (исп.) – яйца.

¹⁶ Mi nieta Conchita (исп.) – моя внучка Кончита.

¹⁷ Chiringuito (исп.) – забегаловка, часто бар, с напитками и тапас.

¹⁸ Dos chupitos (исп.) – две рюмки.

¹⁹ Mamada (исп.) – минет.

²⁰ Vete a tomar por culo (исп.) – иди на хуй.

²¹ Me importa tres cojones (исп.) – мне насрать, мне похуй.

²² Cabrón (исп.) – мудака.

Время быть взрослыми

Мару Батова

с. Ленино, Пензенская область – Москва

Специалист по тендерным закупкам

Утро началось с новостей на местном телеканале о количестве заболевших, умерших и выздоровевших.

После некоторых подсчетов получился большой остаток людей, чью судьбу не осветили в новостях. Ведущий радостным голосом объявил, что сегодня Вербное воскресенье, праздник всех православных.

Я выключила телевизор и уставилась в потолок. Значит, праздник, говорите. Моя память выдает воспоминание, больше похожее на фильм, где в главных ролях я, мои друзья и детство.

Мы все бежим. Я и друзья – к речке, рвать вербу. А детство несется напрямик туда, откуда «и писем не напишет, и вряд ли позвонит»²³. Забавно, тогда мы все время бегали, редко переходя на шаг. Заставь меня сейчас побегать – не выйдет. Вербное воскресенье из детства – действительно праздник. В детстве все дни такие.

Телефон затрещал, написала подруга: «Привет. Короче, и батя у меня вчера умер. А с ебаным карантином и не уехать никуда. Ебаная жизнь». Вот еще одна новость. Комбо. Для этого утра, пожалуй, достаточно новостей.

Такого рода сообщения до меня доходят не быстро, не знаю, наверное, срабатывает защитный механизм, я начинаю медленно соображать. Написала подруге в ответ: «Крепись».

Потом села на кровать и начала рыдать. Проснулся Дима, спросил, что случилось. Я невнятно, вперемешку с заиканиями, объяснила, в чем дело. И только потом, собравшись с мыслями, написала Насте:

- Почему нельзя уехать?
- Никто не хочет везти из-за карантина.
- Мы можем отвезти. Когда за тобой заехать?

Отец Насти вместе со старшей сестрой Насти и ее дочерью Кристиной жил в другой области, ехать до которой часа четыре или пять. Сама же она жила у мужа в паре часов езды от нас.

Вскоре мы с Димкой уже загружали вещи подруги и ее дочери в машину. Ее муж тоже собирался в дорогу, но один на мотоцикле.

Настя выглядела как обычно, говорила как обычно, и все в ней было как обычно. Может, и у нее защитный механизм сработал. Перед выездом я забежала в магазин за водой в дорогу, и продавщица на кассе предложила мне еще купить пучок веток вербы. Я посмотрела в сторону, куда она махнула рукой, и увидела ведро из-под краски по металлу, а в нем – кустики вербы. Стало грустно, что теперь дети не бегают за вербой куда-нибудь к речке, а могут купить ее за 50 рублей – три веточки и 100 рублей – семь. И никаких тебе приключений. Я отказалась.

---

²³ Строчки из песни Аллы Пугачевой «Куда уходит детство».

В дороге мы много молчали и мало говорили. Настя старалась убаюкать дочь и уснуть сама, но Кристинка сопротивлялась. Ей было интереснее смотреть в окно.

Доехали мы до родительского дома Насти быстрее, чем планировали. Там нас ждали с обедом. Димка с мужем подруги ушли есть, а мне кусок в горло не лез.

Дом был старый, уже где-то покосившийся и зарастающий плесенью, потому что, по словам Насти, вся деревня на болоте построена. Почти все дома на их улице опустели. Кто-то все бросил и перебрался в город, кто-то приезжает ухаживать за огородом. Но деревня потихоньку вымирает. Я сидела в комнате с занавешенными зеркалами, смотрела, как играют дочери подруги и ее старшей сестры Веры, слушала разговоры о подготовке к похоронам:

– Я договорился с батюшкой, поеду за ним завтра с утра, – сказал брат Насти. – Оградку заказал, тоже завтра будет.

– Вчера, когда все случилось, ментов вызвали, – начала рассказывать Вера.

– А зачем менты нужны? – вырвалось у меня.

– Такие порядки. Когда дома умирают, нужно ментов вызывать, чтобы засвидетельствовать, что своей смертью умер человек, – ответила подруга.

– Ну, да. Так, знаете, от них так сырботиной²⁴ пахло, что выветривалось еще непонятно сколько, – продолжила рассказывать Вера.

Они долго говорили о подготовке к похоронам, девчонки играли тут же в комнате, на полу, и совсем не слышали, о чем говорят взрослые. И я их тоже перестала слушать. Только внимательно смотрела на свою подругу. Она лежала на диване рядом со мной, ее мучило давление, таблетки не помогали. Настя была совсем бледная и такая худенькая. Почему раньше я этого не замечала? И у нее видны морщины, разве они были у нее раньше?

А Вера? Она сидела на полу, прижавшись спиной к стене, обхватив руками колени, еще хуже, чем ее младшая сестра. Заплаканные красные глаза, опухшее лицо, запах перегара – все говорило о ее бессонной ночи.

Перед отъездом мы с Димкой, Настей и ее мужем долго стояли и курили. На горизонте разгорался закат и тихо шумел лес, нарушая наше молчание. На прощание я крепко обняла подругу и долго не отпускала. Мне совсем не хотелось оставлять ее в доме, где давно нет мамы и уже не будет отца. Я хотела перенести ее в 2015 год, где мы идем с каталки по улицам Закопане²⁵ и поем песню «Идет солдат по городу, по незнакомой улице...», а после перенести ее в ночь Нового года, где завязывается драка против нас и я уже готовлю кулаки, а Настя шепчет на ухо, что она не умеет драться, и потом мы смеемся от этого назло всем врагам. Или забрать ее обратно в май на Смоленское Поозерье²⁶, когда ее в час ночи вытаскивают из палатки наши друзья, потому что я не пойду купаться в озеро без своей подруги. Я хочу ее забрать куда угодно, где она смеялась и где ей было хорошо, но только не отпускать туда, где скорбь и это дурацкое пониженное давление.

– Машка, отпускай меня, а то щас плакать начну. А Кристинка увидит, тоже реветь будет, – говорит Настя. Я ее отпускаю.

Мы садимся в машину и уезжаем. По дороге видим, как горит сухая трава, останавливаемся посмотреть.

– Думаешь, не нужно вызывать пожарных, чтобы потушили? – спрашиваю я у Димки.

– Нет, думаю, не надо. Это специально жгут... Посмотри, как красиво.

---

²⁴ Местный диалект Смоленской области. Сырботина – запах от мокрой прелой тряпки.

²⁵ Закопане – курортный город Польши.

²⁶ Смоленское Поозерье – национальный парк в европейской части России.

На горизонте лежали красные полосы заката, облака сбивались в кучу, предвещая дождь. Вечер гнал сумерки к полю, у края которого полоской горели костры.

Я вспомнила беседу Насти с братом и сестрой об организации похорон. И до меня дошло, с какой будничностью они говорили о таких тяжелых вещах. Как будто они уже совсем взрослые, которым очень много лет и которые прожили много жизней. Но они и есть взрослые, которые на время забыли о своем детстве, о своих чувствах и переживаниях. Чтобы не расплакаться, не расклеиться, чтобы смочь похоронить своего отца. А потом уже плакать и обнимать друг друга.

И тогда я поняла, что нужно забыть в себе ребенка, потерять на время чувства и стать столетним стариком для того, чтобы проститься навсегда со своим родным человеком. Потому что слишком больно для детей терять родителей, но чуть терпимее для взрослого.

Надвигались тучи, начинало моросить. Я смотрела на костры и вдыхала свежий запах весны.

– И правда, как красиво.

Босс

Катя Старцева

Норильск – Петербург

Писательница

Я влюбилась в него сразу. Невысокий, крепкий мужчина. Некрасивый, но с бешеной энергетикой. Совершенно не мой типаж. Женат, есть сын. Меня родители с детства воспитывали «не брать чужое». И это относилось ко всему: игрушки, деньги, вещи, мужа. И этот человек – мой руководитель. Я с самого начала собеседования знала, что он возьмет меня на работу. Впрочем, я также понимала, что соглашусь на любую зарплату и должность.

Он подарил мне крылья, и я смогла взлететь. Он разглядел во мне то, что я едва ощущала в себе. Помог развить талант переговорщика, восхищался быстротой реакции и умением выйти из сложнейшей ситуации достойно. Помог купить машину и лично учил вождению. Отправил меня сделать визу, фантазируя, куда мы поедem. Устроил мне двухнедельную командировку в Китай с партнерами фирмы и изводил их и меня своей ревностью. Тоскуя, ругая себя, что отпустил одну. Когда самолет из Пекина приземлился в Пулково, меня ждал водитель Жени, Паша.

– Шеф просил привезти тебя в офис.

– Паша, да я десять часов в полете, какой офис?! Я домой хочу, в душ, и борща с черным хлебом. И кофе приличного.

– Он не может без тебя. Садись.

И я села. Женя подлетел к машине, когда мы притормозили у офиса. Он держал меня за руки, не отпуская и не целуя, боясь, что не сможет остановиться – а есть же жена, сын. И тогда я поняла, что мне достаточно было этого. Вот этой дрожи, этой ревности, этого собственнического отношения. Меня ждали, я любима. А то, что дома Женю ждала жена, Надежда, его компас земной, меня не волновало.

Что ж. Мы не делали ничего запрещенного. Никаких близких контактов, держались как могли. Летом был выезд на базу отдыха «Озеро Зеркальное». Компания с работы, компания Жени – у него была удивительная черта притягивать и объединять вокруг себя чудесных творческих людей. Женя приехал с женой. Там и познакомились. В глаза я ей смотрела открыто, ибо по молодости четко знала, что нет физической близости, нет измены. И то, что он звонит мне первой, когда самолет приземляется, или то, что я могу закончить начатую им фразу, это так, схожесть интересов. Любовь. Но не измена. Так прошло почти два года. Я пыталась встречаться с другими мужчинами, обманывая себя, что могу построить нормальные доверительные отношения. Не получалось, ведь сердце принадлежало другому.

Как-то мы пригласили домой Женю с семьей. Мы же в первую очередь друзья. Моя мудрая мама, когда они ушли, сказала только одно:

– Надя знает.

И я не стала уточнять, вопрос это или утверждение.

Конечно, Надя знала. Она тоже была мудрой женщиной. Другая бы с Женей не продержалась так долго. Я была душой компании, а она просто хотела сохранить семью, постепенно меня приручая. И она оказалась мудрее.

До смерти мамы я думала, что не смогу сделать больно Наде, она этого просто не заслуживала. Но в день похорон мне было так отчаянно одиноко, что я решила согласиться на Женино предложение и написать ему сообщение о том, что я тоже его люблю и хочу быть вместе, пусть даже стану разлучницей. Протянула руку к телефону, и тут он пикинул входящим смс от Жени. Конечно, от него. Мы уже перестали удивляться и лишь шутили, что скоро будем только молчать и читать мысли друг друга. Открыла и осела. Куда еще больнее, а?

«Видел тебя сегодня такой сильной. Я никогда не смогу быть таким. Люблю. Прости».

Все было закончено. Утром я похоронила маму, вечером – свою любовь. Между тем жизнь вокруг продолжалась. Мы с Женей продолжали работать вместе. Внешне все выглядело как обычно. Мою угрюмость коллеги списывали на боль утраты. Так оно и было. И я горевала, теряя вкус к жизни.

Как-то я посмотрела в зеркало и не узнала свое отражение. Зашла в ближайшую парикмахерскую и коротко подстриглась, а в понедельник написала заявление на увольнение. Я понимала, что нужно искать новую работу, но с разбитым сердцем и потухшим взглядом я бы не привлекла ни одного работодателя. Стрижка преобразила меня не только внешне, она будто придала мне решимости делать маленькие, но важные шаги. Первым шагом был переезд на свою квартиру: я съехала от родственников и занялась ремонтом. Появился стимул, желание скорее обустроить свое гнездышко. Стали чаще приходить друзья. Наступила весна, и мир вокруг стал просыпаться, пробуждая и меня. Нашлась работа. Все налаживалось.

Пару лет спустя я не смогла вспомнить дату рождения Жени. И тогда я поняла, что выздоровела окончательно.

Музыка

Примечание автора: Вставляю свои пять копеек: в 2016 году я собрала первое в своей жизни выступление в Питере. Это был легендарный клуб «Невский, 24». Я вообще не понимала, что происходит, а в зал между тем пришли около 200 человек – самых отмороженных, что были в этом городе, и в то же время осознанных. Людей было так много, что некоторым пришлось рассаживаться на полу. Всю словесную часть я хотела приправить музыкой в конце. Ведь, как говорит мой друг Дима Иуанов, главное – как начать и как закончить. Так вот, поскольку заканчивать я планировала своими жалкими песнями под гитару, спасти меня могли только другие музыканты. Я кинула клич, и отозвалась Надя. Она просто села сзади меня на сцене и превратила все событие в какое-то невероятное высокое искусство. Все, теперь Надина история.

Надя Ридченко

Канск – Ставрополь

Музыкант, композитор, преподаватель английского

Это будет история о музыке и о секунде, которая поменяла жизнь. Начну с того, что, когда я была маленькой, папа подсаживал меня на AC/DC, Depeche Mode, всяческий качественный поп и олдскульный рок. Диалог из детства:

– Надя, кто это?

– Это дядюшка Оззи.

Надо сказать, что из всех этих наркотиков подседа я только на Depeche Mode, но наркоманский интерес к качественной музыке остался навсегда. Музыка мне нравилась во всех ее проявлениях: я пела, танцевала, любила всевозможные носители. Я была первой в классе (и одной из немногих) с кассетным плеером, первой – с MP3-плеером, была первой, кто пользовался наушниками, чтобы слушать музыку везде, – в то время на улицах Ставрополя было не так много чудачков с «затычками».

В 5 лет я увидела документалку о скрипачке Ванессе Мэй, и тогда я поняла, что хочу стать скрипачкой, это мой путь.

И этот путь начался. Я играла на скрипке, писала музыку, чаще всего в голове, изредка на бумаге, пока мне не стукнуло 16.

Мне написал незнакомец, предлагая играть пост-рок. Я согласилась. И ушла гуглить, что это такое.

Меня унесло, и в моей жизни начался один из лучших периодов – именно в 16 я начала осваивать DAW²⁷, программы, в которых писала музыку. Наша группа счастливо просуществовала около полугода, потом еще полгода уже не так счастливо. Мы не развивались, и я ушла, но продолжила писать музыку. Жизнь шла по причудливому пути со своими взлетами и падениями, я решила, что музыкой я и так занимаюсь, поэтому образование надо получать в другой сфере. Я отстрадала 4 года, учась на лингвиста, и пошла работать учителем, всей душой этого не желая. Продолжая свои страдания, я с периодическими вылазками играла с друзьями на

---

²⁷ Digital audio workstation (DAW; *англ.*) – цифровая звуковая рабочая станция.

редких концертах и тусовках, будто маленькая девочка, которую выпустили погулять и поиграть в песочнице, а по возвращении домой не понимала, что мне делать с жизнью. Деньги-то надо зарабатывать.

Так я жила до 24 лет, успев перенести тело на 1,5 года в Питер и вернуть его обратно в Ставрополь, ментально продолжая находиться в своей ловушке, где музыкой почему-то стыдно зарабатывать. В 24 года, вернувшись в Питер на недельку, я встретила с подругой, с которой мы жили здесь когда-то вместе. Она рассказывала о своей жизни музыканта: где выступала, на какие концерты ходила, с кем познакомилась. Я слушала и радовалась ее успехам, пока не пришла моя очередь говорить.

– Ну а у тебя что случилось за эти 2 года?

– ...

И тогда я поняла...

И тогда я поняла, что ничего не помню. Мне понадобилось много времени и посты из «Инстаграма», чтобы вспомнить хоть что-то. Вернувшись в Ставрополь, я не сразу оправилась от шока. Почему я ничего не помнила? Меня осенило, что у меня в жизни есть две главные ценности: музыка и люди. И если этих ценностей нет, то не важно, как я провожу время и что со мной происходит. В этом нет смысла.

Тогда я собрала волю в кулак и погрузилась в музыку. Я решила впервые выступить со своей собственной музыкой в символический день – на свой 25-й день рождения. До него оставалось три месяца, и работа кипела. Я решила выступать с парой своих треков и каверами на Björk, Radiohead, Olafur Arnalds, Apparat и малоизвестных фарерских музыкантов. Все шло лучше некуда: в жизни появился смысл, я наконец-то начала думать о том, что зарабатывать музыкой можно, это такой же труд, как и любой другой, и я сияла, о чем говорили все мои знакомые.

Вся эта долгая предыстория нужна для момента, который произошел чуть позже. 1 ноября я писала музыку, и вдруг... программа, в которой я работала, закрылась. Я не могла найти свою музыку. Пропали все мои папки. Все. Фото, видео, документы, книги, но, главное – музыка. Вся музыка. Как будто вся моя жизнь исчезла в один миг. Я зависла на какое-то время, а потом начался кошмар. Я в ужасе пыталась понять, что произошло. Спойлер: произошла моя техническая безграмотность. До концерта 22 дня, 22 ноября – мой день рождения, а от меня как будто ничего не осталось. Я пришла, точнее прибежала, к лучшим специалистам в нашем крае, которые тщетно пытались восстановить данные. Злой насмешкой казалось то, что они восстановили все прочие файлы: рабочие документы, фото, книги – все, но только не музыку. Я пришла домой, и у меня потекли слезы. Я рыдала почти без остановки несколько дней. Я кричала, что мне на хуй не нужны все эти файлы, если нет моей музыки. Я была готова отдать все свое прошлое и настоящее: воспоминания с фото, документы для работы, книги, вордовские и экселевские файлы, лишь бы только музыка вернулась. А времени оставалось все меньше. В один из дней, когда я рыдала, я выпалила, что пробью любые стены, но буду играть концерт. И тогда, во-первых, я написала мощную песню, в которой сплелись моя боль, моя злость и моя надежда, а во-вторых, я поняла, насколько для меня важна музыка. Сказать, что я была в шоке, ничего не сказать.

Но одно удалось восстановить – скрины. На них я видела все или часть инструментов, которые я использовала в музыкальном треке, удары в минуту, какие-то ноты. По ним, а также по записям с диктофона, мне удалось восстановить часть треков.

Моя боль от потери всей музыки, что я писала 8 с лишним лет, продолжалась еще несколько месяцев, и на концерте, рассказывая свою историю, я еле сдерживала слезы. Но концерт состоялся!

Никогда я не была так счастлива в свой день рождения. Да и не только в день рождения. И тогда я поняла, что я – артист, я – музыкант, и я больше не могу, не хочу и не буду делать вид, что это не так.

Моя подруга Mary Jane

Аня Камрад

Тюмень

Химик

Весна 2013-го, я впервые в Америке. И все в этой стране для меня в новинку. Вот мы с друзьями едем на выходные в горы, разбиваем палатки, собираем дровишки для костра, темнеет, знакомая достает шоколадку. А шоколадка-то непростая... Уже тогда мне было известно, что в Америке каждый второй пробовал марихуану или регулярно ее курит.

В ту ночь я съела этот самый квадратик, один-единственный, и моя жизнь разделилась на «до» и «после». Вот уж реально magic chocolate. Я пыталась распилить бревно для костра, как вдруг почувствовала, что моя реальность пошатнулась. То была самая невероятная ночь в моей жизни.

Я даже вышла замуж за парня, который торговал травой. Он подарил мне мою первую стеклянную трубку для курения. Мне нравилось смотреть на себя в зеркало, держа в руке дымящуюся трубку, я носила ее в сумочке вместе с помадой и флакончиком духов и чувствовала себя такой взрослой и крутой.

Мне казалось, что трезвая я никогда не увижу то, что доступно мне, когда я high²⁸. Марихуана помогала мне во всем. С ней еда казалась вкуснее, окружающий мир – интереснее, мои чувства обострялись, я видела, слышала, чувствовала по-другому. Куча идей – только успевай записывать. Мне казалось, теперь я живу очень интересной, насыщенной и счастливой жизнью. В моменты скуки и апатии моя верная подруга Мэри Джейн была тут как тут, чтобы помочь мне погрузиться в любое занятие с высокой степенью увлеченности и концентрации.

Время замедлялось.

Пять лет пролетело, а я и не заметила, что курение марихуаны стало привычкой. Я спокойно жила с установкой, что «weed is not addictive»²⁹ – так говорил муж. За последний год я не смогла вспомнить ни одного дня без подруги Мэри Джейн. По утрам на кухне меня ждал завтрак – тарелка с плотными пахучими соцветиями.

Со временем я перестала себе нравиться. Энтузиазм появлялся и заканчивался только с марихуаной, а энергии на реализацию чего-то грандиозного не было. Так проходили дни, а я оставалась со своими нереализованными планами. У меня появилось беспокойство, когда я выходила куда-нибудь накуренная: мне казалось, что все об этом знают, смотрят на меня и осуждают. На самом деле к тому времени я сама начала себя осуждать. Мои соседи успели родить второго ребенка и построить дом. А я сидела целыми днями на крыльце, курила, слышала детский смех, и мне становилось грустно. Грустно от того, что там, за забором, была настоящая жизнь... Я попробовала не курить, продержалась целую неделю! Это все, на что я была способна. Ведь я любила марихуану даже больше, чем себя. И тогда я поняла, что это такое – зависимость.

---

²⁸ To get high (англ.) – накуриться, получить кайф.

²⁹ Weed is not addictive (англ.) – марихуана не вызывает привыкания.

Я ничего не поняла

Ксюша Безрукова

Новосибирск – Питер

Режиссер или безработная

– Что будет, если ты сожрешь кусок сыра?

– Я умру от аллергической реакции.

– И че, таблеток нет? – нагло улыбался мужчина с белоснежной улыбкой, пытаясь дать мне какую-то лепешку с сыром.

Мне уже не раз приходилось врать про непереносимость лактозы, и обычно мне очень сочувствовали и переставали пытаться накормить тем, что я не ем. Но этот случай был особенный: напротив меня сидел типичный москвич, а за его спиной находился Кремль. Я ела холодный гаспачо за 3000 р. и удивлялась Москве. Вот так, значит, ты меня встречаешь? Загребаешь в свои колючие объятия?

«Типичный москвич», что вызвался нас подвезти и накормить, был полон злости и ненависти и был рад поделиться ими. Его лицемерная улыбка то и дело сменялась выражением гнева на лице, с которым он покрывал нас матом.

– Блять, да вы заебали.

– Мы можем уйти.

– Сидите.

Я хотела уйти, чтобы он остался со своей злостью, но в машине были мои вещи.

«Добрый вечер, вы приглашены на ужин с дураком, и сегодня этот дурак – вы».

Мы ели и слушали его истории про то, какая его любовница тварь и какие мы дерьмовые (потому что не надо было выпучивать глаза на цены в меню, идиоты и бомжи). Этот человек уже давно притворяется счастливым, но ни одна белоснежная улыбка не скроет его ненависти к жизни. Как только обед был закончен, нам предложили остаться на квартире (стоимость этой квартиры он сказал раньше, чем позвал к себе) на какую-то богемную тусовку, но в голове крутилось: «надо валить». Я не знаю, куда держала направление моя попутчица, но мне предстояло вписаться туда, где из еды только пуэр, и это радовало больше, чем гаспачо за 3000 р. и квартира на Тверской.

Дальше свое пребывание в столице я бы назвала «из конфетки в говно», хотя бы потому, что в +35 в московском метро ты сам становишься говном, и все вокруг тебя тоже. Именно в таком состоянии я вывалилась на станции «Кузьминки», которая была похожа на Новосибирск во всей красе.

– О, привет, – меня встретил кудрявый высокий парень.

– Привет.

– Мм...

Хозяин квартиры посмотрел на меня сквозь полуоткрытые веки, я посмотрела на его сланцы, перевязанные шнурками, и мы пошли.

Закатное солнце пробивалось сквозь кроны деревьев в абсолютно фиолетовую комнату. Оно освещало пустые стены и дверь с нарисованным Буддой. В комнате пахло сиренью, хотя сирень в июле не цветет.

Я стояла посреди всего этого и хлопала в ладоши. Ах, как хорошо в Москве. Ручка двери дернулась, и позади меня тяжело задышал хозяин квартиры.

– Чай пить будешь?

Не дождавшись ответа, он схватил гитару и ушел на кухню. Я попала сюда случайно, я не знала этого человека, все было слишком непонятно и странно для меня. Спустя минуту, с трудом скрывая детскую радость и широкую улыбку, я прошла по коридорам этой «творческой обители» на носочках за обещанным чаем. Я дергала за все ручки, которые видела. Казалось, что тут миллион дверей, но все почему-то закрыты. Я заблудилась в чужой квартире, моей путеводной звездой был свист чайника.

Хозяин сидел на подоконнике и пристально вглядывался в стену. Когда я вошла, весь его холодный взгляд переместился на меня. «Так, ладно». Он истерично засмеялся. «Хорошо, просто достану телефон и сделаю вид, что мне пишут». Он смеялся как сумасшедший. Я старательно не замечала его, и тогда он резко затих и уперся взглядом в стену. Мы молчали.

– Ты дерево? – нарушил он тишину.

Я подумала и решила, что нет.

– Ты корни?

Ну и не корни уж точно.

Его руки коснулись моей шеи.

– Извини, женская кожа просто...

Он еще раз дотронулся, но тут же отдернул руку и снова истерично засмеялся. С ним явно было что-то не так, но я старалась сделать вид, что мне все равно (мне же еще тут ночевать), хотя красные щеки предательски выдавали меня. На кухню зашел другой парень, тоже покраснел и вышел.

Я была пьяна первой свободой, и все происходящее казалось мне нереальным. Наверное, я даже чувствовала бабочек в животе. Конечно, мне стоило дать несколько хороших оплеух и крикнуть в самое ухо: «Беги, дура», – ибо сама я до этого додумалась не сразу. О том, что это не сказка, а я не загадочная фея, я догадалась, только когда наступила ночь. Которая была отнюдь не волшебной.

Я погрузилась в спальник и уже почти заснула, как вдруг... около моего уха тяжело задышали. Это было его дыхание. Он смотрел на меня стеклянными глазами, дышал и каждую секунду пододвигался еще ближе. Руки его потянулись к моим, и я, как червяк, отползала вместе со спальником все дальше и дальше, пока не уперлась в стенку. Это было похоже на плохую комедию, а для кого-то, наверное, на фильм ужасов. Я тяжело вздохнула и спряталась с головой в спальнике. Проехав 3000 км нон-стопом, человеку прежде всего хочется спать, а не вляпываться в истории, а уж тем более с налетом романтики. Да, бабочки в животе. Но я не хочу с ним трахаться. Это... Это не то.

Парень явно не собирался отступать, даже видя мои попытки уползти и слыша просьбы отстать. Он все так же тяжело дышал. Его кудри торчали во все стороны, глаза бегали, а на щеках проступали красные пятна. Около двух часов я упорно объясняла ему, что хочу спать и только. В конце концов стало понятно – так просто он не отстанет. Я заревела. Громко, протяжно, так как меня учили рыдать в драмкружке. Мое тело тряслось, я несла несуразный бред и громко всхлипывала. Я умело притворялась, и на парня это произвело эффект: он онемел. Я загнала его в угол, и теперь он не мог понять, что делать с плачущим ребенком, который еще пять минут назад вел себя так по-взрослому. Он стоял с открытым ртом, и от этого скорее хотелось смеяться, чем плакать. Но я держалась и отыгрывала по полной.

Парень стоял так минут 10, а затем схватил старую гитару, попытался зажать какие-то аккорды дрожащими пальцами, но не смог и ударил по струнам. На секунду я утихла.

– Однажды в большом замке жил маг... – вдруг раздался его низкий голос.

Я снова начала реветь.

– Он был так одинок! Он был так потерян... И была ведьма в соседнем лесу!

Его дрожащие пальцы перебирали струны и били по гитаре, его голос становился все громче и громче, потому что иначе бы я не услышала сквозь плач эти сказки. Так мы сидели на полу еще час. Я выла и редела, а он рассказывал на ходу сочиненные сказки. Через час я решила, что это закончилось и можно спать. Я вытерла слезы, злобно глянула на растерявшегося хозяина квартиры и легла в самый дальний угол комнаты.

Но это был не конец.

– Ты давно исповедовалась? – раздался хриплый голос.

– Только что.

– Тебе надо очистить душу от греха.

– Ну пиздец.

Вот так в 4 утра комната наполнилась молитвами. Не хватало запаха ладана и церковных свечей, хотя, останься я еще на один день, он бы устроил мне и это. Через час молитвы утихли. Он снова попытался меня уломать на что-то большее, чем я могла ему дать. В ход шли все способы манипуляции. И тяжелые болезни, и рассказы про то, как ему сложно найти девочку для любви (потому что все низкие и тощие, а ему неудобно – не спрашивайте), смерть родственников, обещание заплатить, снова сказки под гитару. Мы говорили, говорили, говорили, а потом все снова скатывалось в просьбы переспать. Я не могла никуда уйти. Наружность Москвы пугала меня больше, чем этот парень. Но еще через час я все-таки ушла «гулять». И тогда, стоя посреди пустой улицы, я поняла, что это хуйня какая-то, а в животе у меня не бабочки, а несварение из-за гаспачо за 3000 р. Я звоню ему и прошу вынести мои вещи.

Хрущевки. Светает. Я стою одна среди каменных джунглей, закрыв глаза.

– Пойдем в лес, – послышалось за моей спиной спустя пятнадцать минут.

– Нет, – я повернулась и увидела этого сумасшедшего в своих штанах.

– Там классно.

– Нет.

– Подаришь штаны?

– Нет.

Он снял их с себя и протянул.

– Пока, – парень сбросил с плеч мой рюкзак, развернулся и совершенно голый пошел куда-то в глубь дворов. Я смотрела на его уменьшающуюся фигуру и охуевала. Он уже давно исчез из поля зрения, а я все стояла и почти не моргала. И вот тогда я поняла, что не все, кто тебя нежно касается и смотрит в глаза, хотят любить тебя чистой и настоящей любовью. Мне было 18 лет. Я думала, что урок пройден, и уехала в Питер, а Питер, знаете... Это всегда странные бабочки в животе. Ну, в общем, все повторилось. Я ничего не поняла.

Дыхание смерти

Жанна Супик

станция Куцевская – Москва

Детский онколог

Стук колес поезда и мелькающий пейзаж за окном действуют успокаивающе. Дорога всегда заботится об идущем, и мое сердце она пеленает и укутывает теплом.

Я смотрю в окно, где заснеженные деревья постепенно сменяются осенней моросью и слякотью. Моя память возвращает меня в точку невозврата, в момент, определивший всю дальнейшую жизнь.

Осень 2012 года, двадцатидвухлетняя я, студентка 6-го курса медицинского университета, впервые переступаю порог детского онкологического отделения. Нашу группу проводят в палаты к детям, знакомят, дают возможность поговорить. Меня поражает не их внешний вид – бело-серая кожа с синяками под глазами, отсутствие волос, худоба, – то, что так часто впечатляет людей. Меня потрясает выражение их глаз, глубокомысленность слов. Передо мной – маленькие дети, пережившие столько боли, сколько некоторым не выпадает за всю жизнь. Прошедшие множество испытаний, не сломивших их, а сделавших преждевременно повзрослевшими.

Выходя из каждой палаты, мы наконец слышим вердикт от врача: «Остеогенная саркома, 4-я стадия – шансов нет», «рецидив нейробластомы – шансов нет». Иногда звучит что-то оптимистичное: «Саркома Юинга, 2-я стадия, 14 курсов химиотерапии, операция – есть надежда». Останавливаемся у входа в одну из палат.

– Сюда лучше не входить. Ребенку 5 лет, генерализованный рецидив ретинобластомы, ужасные боли. Девочка уходящая.

Здесь я впервые почувствовала странный холод, сжимающий мое сердце. И тут я поняла. Это было дыхание смерти. Я осознала это именно в тот момент, хоть мы и встречались уже с ней раньше. Но здесь все было иначе – смерть ждала. Стояла рядом с нами, под этой самой дверью, куда нам нельзя было входить. Заглядывала своими пустыми глазницами мне в глаза и усмехалась. Она знала, что ее время почти пришло.

Я вышла оттуда другим человеком. Земля уходила из-под ног, а я словно пробудилась от долгого сна. Картина привычного мира стала трескаться и крошиться, как зеркало после удара. Эти осколки продолжают сыпаться мне на лицо, не давая возможности забыть. Не давая возможности уйти, жить другой жизнью, не видеть. У меня больше нет на это права.

Мое подсознание подкидывает следующий слайд. Вот мне 23, и я в реанимационном зале, а за спиной – семнадцатилетняя девочка с опухолью мозга в терминальном состоянии. Аппарат дышит за нее, трубки пронизывают весь организм, и уже не первый день она не приходит в себя. Я пристально вглядываюсь в ее распухшее, искаженное болезнью и лечением лицо, пытаюсь его запомнить и прочесть – какими были ее мечты? Успела ли она пережить те самые волшебные моменты, которые делают жизнь неповторимой? Что происходит с ее сознанием сейчас? Слышит ли она что-нибудь? Видит ли сны? А может быть, память подбрасывает ей обрывки воспоминаний, которые уже не вернуть? Но на ее лице я вижу только ту самую «маску

смерти», которую в будущем научусь распознавать безошибочно. Я поворачиваюсь к окну, и мелкие капли, стучащие по стеклу, с издевкой напоминают, что реанимационные залы, подобные этому, держат место для каждого из нас. Я в Зазеркалье. Вижу людей за окном, бегущих по своим делам, торопящихся что-то там успеть. Мы же с этим ребенком – по другую сторону зеркала, невидимые миром. Я специальный гость, приглашенный прокатиться с ней на лодке до царства Аида. И тут я поняла – в смерти никогда не бывает ничего романтического. Она как мерзкий зловонный монстр, который питается жизнью и смакует каждый проглоченный кусок. Та девочка умрет следующим утром, и, конечно же, я вместе с ней.

Я вздрагиваю и просыпаюсь от скрипа останавливающегося поезда. За окном заснеженные деревья и поля. Дорога обычно бережет меня от таких воспоминаний, но, видимо, не сегодня. Люди любят подводить итоги. Похоже, это мой итог.

Санта-Клаус на пути Сантьяго³⁰

Вероника Слугоцкая

Санкт-Петербург – Джорджия

Специалист по туризму

Когда мы с сестрой добрались до Леона, город уже спал. Продолжая идти по желтым стрелочкам пути Сантьяго, мы наконец добрались до хостела. Приветливый *hospitaliero*³¹ рассказывал нам про режим работы, когда мы, с интересом смотря во все стороны, заметили одного мужчину с седой пышной бородой, невероятно похожего на Санта-Клауса. Он сидел в слабоосвещенной части кухни и увлеченно говорил с ребятами. В какой-то момент мы встретились взглядом.

– Welcome home!³² – поприветствовал он радушным голосом.

Когда ты приходишь в любой альберге³³, – правда чувствуешь себя как дома. Забота пилигримов и желание помочь, искренний интерес узнать, как у тебя дела и что послужило причиной того, что ты здесь, витают в воздухе с самого начала пути. Эта магия дороги – того, что сотни национальностей идут рука об руку и можно пообщаться с любым человеком, – кружит голову!

Проходя Камино впервые, ты неизбежно будешь наблюдать за собственной трансформацией. Сколько бы тебе ни было лет, выходя из Сен-Жана³⁴ совсем юным, ты не знаешь, чего ожидать. Впереди больше месяца пути по северу Испании, и кто знает, какие за это время соберутся истории. Каждый день все будет меняться. Спина все меньше будет болеть от рюкзака, мышцы ног окрепнут, а ходьба в 25–30 километров в день будет казаться абсолютно нормальным делом. Тело найдет собственный ритм. Останется только погружаться в истории меняющихся попутчиков и поражаться тому, какие разные сценарии судьба приготовила для каждого человека. Совсем не похожие друг на друга, они все равно имеют кое-что общее. Все идет по пути в надежде что-то изменить.

Мы встретились с Дэнисом позже утром, в общей гостиной. Оказалось, он из Флориды и ведет свой блог о путешествиях на Facebook, потому что однажды ему надоело отвечать на вопрос соседей: «Where are you again, Denis?»³⁵ – длинными историями, пересказывая одно и то же. Разговаривая с ним, я не могла отделаться от мысли, что я провела мало времени в городе, недостаточно пообщалась с местными, а времени осталось так мало. Но разговор с Дэнисом заполнил все пробелы. Беседы с незнакомцами всегда полны откровений, ведь человек чувствует себя свободным в изложении любых грехов.

---

³⁰ Эль Камино де Сантьяго, Путь святого Иакова – паломническая дорога к предполагаемой могиле апостола Иакова. Путь проходит в испанском городе Сантьяго-де-Компостела.

³¹ *Hospitaliero* (исп.) – тот, кто принимает гостей.

³² Welcome home (англ.) – добро пожаловать домой.

³³ Альберге (от исп. *albergue*) – хостел для паломников.

³⁴ Сен-Жан-Пье-де-Пор – французский город и коммуна в департаменте Атлантических Пиренеев. Точка на Пути святого Иакова.

³⁵ «Where are you again, Denis?» (англ.) – можно перевести как «Так где ты сейчас, Дэнис?».

Мы болтали о Гражданской войне, неоднозначности Декларации независимости, о жизни в Америке. А потом он вдруг заговорил о себе:

– У меня трое детей и жена, которую я люблю больше всего на свете. Моя младшая дочь вышла замуж за хорошего человека, у нее большой дом, она счастлива. У второго сына, приемного, тоже хорошая работа, он успешный и богатый человек. А вот мой старший, родной... – он замолчал и посмотрел в окно. На его добродушном лице появились следы грусти. – Мой старший сын никогда меня не простит. Я был несправедлив к нему все его детство, как будто недодал любви, и был всегда чересчур требовательным. Он встречался с девушкой, но разошелся и во всем винил меня. Сказал, что это я его таким воспитал. Я чувствую себя несчастным, виноватым перед ним, но он об этом даже не знает.

Я слушала Дэниса и почувствовала, что его историю еще можно изменить. Он может заслужить прощение сына, улучшить отношения с ним прямо сейчас.

– Дэнис, вы очень счастливый человек. У вас есть семья, любимая жена, работа и возможность путешествовать. Вы достигли, если отбросить все предрассудки, того, к чему стремятся очень многие люди. И вы можете еще изменить ситуацию с сыном. Просто искренне расскажите ему все, что у вас внутри. Почему же вы чувствуете несчастье, когда на самом деле так счастливы?

Пару минут он просидел молча, переводя взгляд то на сестру, то на меня.

– Знаешь, думаю, ради этих твоих слов я и проделал весь путь Сантьяго. Спасибо, – его глаза были влажными от слез.

У меня побежали мурашки по телу. И тогда я поняла, что даже самые простые истины, сказанные незнакомцем, имеют для нас огромную силу. С того момента мы чувствовали, что

Леон точно не останется в нашей памяти незаметным. Ведь города – это то, что мы в них пережили.

Балкон

Мира Ри

Тольятти – Москва

Дизайнер

Однажды я проснулась в своей квартире в небольшом городе России, солнце освещало мою комнату через листья деревьев. Красота.

Я встала, пошла на кухню ставить чайник, умылась, заварила кофе, прихватила пару плюшек, села на балконе слушать музыку, чтобы написать сюда какую-нибудь интересную историю, и тогда я поняла, какой же хороший сегодня день.

Самая смелая девочка

НАСТЯ Эрднеева

Пятигорск – Барселона

Фотожурналист

Долго думала, писать тебе или нет... О таком обычно молчат, но, мне кажется, ты поймешь все, что я смогу рассказать.

День рождения я встретила на карантине, и это стало одним из самых запоминающихся в жизни событий. Никто не пришел с цветами, никто не кричал под балконом мое имя, только бесконечные видеозвонки.

История про Регину Тодоренко³⁶ только прогремела, и, естественно, все мои знакомые, друзья, подруги говорили об этом. Бесконечные высказывания мнений под бокал вина. На третьем бокале (бутылке) подруги перешли к личным историям, а я слушала их с открытым ртом. Столько историй изнасилований...

Почему Катя, Наташа, Света, Таня не говорили об этом раньше? Почему мама об этом не рассказывала, почему об этом умолчала сестра? А почему я сама об этом молчу?

Ответ приходит сразу: страх. Страх быть осужденной, отвергнутой, страх, что не поверят.

Моя бабушка пыталась задушить свою дочь, мою маму, после того как она была изнасилована, потому что это ведь «позор какой, на всю деревню!». Так мы и росли, страшась поделиться этим с кем-то.

Весь вечер я была в состоянии шока. Пришел бывший парень, тот самый, за которым я бы на край света пошла. Мы расстались четыре месяца назад, потому что ему хотелось разобраться в себе. Я отнеслась к этому с пониманием.

Так вот, этот парень поздравил меня и вдруг заявил, что уже два месяца с новой девушкой.

Несколько часов спустя я совершенно случайно наткнулась на профиль его новой девушки в тиктоке, и вот тогда я поняла...

Я поняла, что он просто мудака. Я смотрела на нее как на себя: такая же неуверенная в себе девочка, которая ищет защиты. Хэштег «А что ты сделала, чтобы тебя не били» вертелся в голове. А что сделала я?

Задав себе этот вопрос, я поняла, что совершенно ничего не сделала: не любила себя, не уважала себя, не слушала себя, не верила себе, не находила в себе покой, не давала себе то, что необходимо. В течение всей жизни я позволяла собой пользоваться, позволяла себе врать, позволяла себя унижать.

Почему?

Моя тетя, психолог-шаманка, тут же предложила провести со мной сеансы погружения в подсознание.

Погружение...

---

³⁶ Крупный скандал, причиной которого стали неосторожные слова телеведущей о домашнем насилии: «Что ты сделала, чтобы муж тебя не бил?»

Мне восемь лет, майская жара, на улице никого нет. Я иду домой после школы. Рядом с ней заброшенная стройка, там обычно бухает молодежь, но сегодня никого нет.

Из ниоткуда появляется мужчина и просит прикурить. Не каждый день у восьмилетнего ребенка спрашивают прикурить, я отвечаю, что не курю, и прибавляю шаг. Он перекрывает мне путь. Меня уже потрясывает от страха. «А мелочь есть?» Я что-то говорю про два рубля на пирожок, и тут он меня хватает – даже пискнуть не успела. Все произошло буквально за секунды, в следующий миг мы лежим на полу подвала среди мусора, битого стекла и чьей-то блевотины. Он сверху, бьет меня бутылкой по голове и продолжает спрашивать мелочь, зажимая мне рот. После говорит мне не кричать и ослабляет хватку. Когда он убирает руку с моего рта, я говорю про то, что он может забрать те два рубля и все учебники. Но он уже не хочет мои рубли. Он переворачивает меня на живот.

Я не знаю, как это описать...

Что писать...

Мое тело до сих пор вздрагивает от воспоминаний, хотя прошло более 20 лет...

Я лежала под ним вся в крови, задыхалась от боли, сердце бешено билось в груди. В какой-то момент произошел щелчок, и тогда я поняла, что умираю – но не от боли. Все мы начинаем умирать, когда наши сердца совершают первый удар. Вся наша жизнь – дорога к смерти.

И в тот момент я вспомнила все. Как я зародилась, как развивался каждый орган моего тела; вспомнила тепло и розовый свет плаценты; как первый глоток воздуха разрезал горло, вспомнила вкус молока мамы, первые шаги, колючую папину бороду, первый одуванчик, нежность в груди от объятий с мамой, горечь в горле от расставания с папой.

Мужчина оказался любителем анала, поэтому разрывы и травмы я получила только в одном месте. Закончив, он перевернул меня обратно на спину. Я смотрела в его блестящие глаза и знала, что скоро он меня убьет.

За его левым плечом возникла тень – я приняла ее за ангела смерти. Психологи сказали бы, что это галлюцинации, вызванные сильным стрессом. Возможно, так и есть. Но тогда прозрачная тень указала мне направо, где в нескольких сантиметрах от меня лежал обломок кирпича. Тень смотрела на меня с улыбкой. Она пришла забрать чью-то жизнь: либо я, либо он...

Я взяла кирпич и несколько раз ударила мужчину по голове. Последний блеск в его глазах выражал удивление и, как мне показалось, благодарность. Несколько секунд спустя он потерял сознание.

Я не помню, сколько там просидела и как шла домой. Помню, что мама не заметила ничего, кроме грязной одежды. Помню, что вечером, когда вернулся папа, я села к нему на коленки и все рассказала. Папа обнимал, говорил, что все хорошо и что он все уладит. Папа спросил, где лежал этот мертвый дядя, и ушел, а когда вернулся, руки его были в крови.

Папа взял с меня обещание никому никогда ничего не рассказывать и забыть все это, что я и сделала.

Возвращение...

Я открыла глаза и посмотрела сквозь слезы на свою светлую квартиру в центре одного из самых красивых европейских городов. О такой жизни я и мечтала: рисую, пою, творю, живу. Но гармонии внутри нет, я продолжаю без оглядки бежать куда-то, в поисках кого-то...

И тогда я поняла... Почему я выбирала тех парней, почему позволяла им так с собой обращаться. Я никогда не залечу эту рану, ведь я умерла с тем мужчиной, на той стройке, в тот жаркий майский день...

Спасибо, Даша!

Извини, но также вынуждена написать следующее, надеюсь, ты поймешь почему.

Все герои и события вымышленны.

Любое совпадение с реальными личностями случайны.

Чайки – мрази

САША Гусева

Брест

Преподаватель немецкого языка

Завязка

Мне было 18, когда я приехала в Аахен на языковые курсы по немецкому. Это город в Германии на границе с Бельгией и Нидерландами, и это делает его идеальной отправной точкой для путешествий по этим странам. Думаю, понятно, чем я занималась на выходных. Спасибо бельгийским железным дорогам – билет через всю страну стоил 8 евро.

В августе было прохладно, но я все равно захотела на море. Единственным вариантом было море Северное, а точнее – бельгийский город Остенде, до которого было 3 часа на поезде.

Основное действие

Остенде встретил меня пронизывающим ветром. На этом *** курорте было так холодно, что я еле поборолa желание сразу поехать назад. Смотреть было особо не на что, поэтому я бродила по пляжу босиком, собирала ракушки, наблюдала за пенсионерами с палками для скандинавской ходьбы. Спустя приличное время я решила, что пора и честь знать. В получасе езды находился Гент, где, очевидно, теплее. Я почти ушла с пляжа, когда меня настигла типичная для путешествий (и жизни тоже) ситуация: я захотела есть.

Голодные глаза быстро нашли палатку на пирсе. В ней на пластиковой тарелочке уютно разместились креветки, крабовое мясо, кусочек лимона и какой-то соус. Ко всему прочему блюдо было украшено милейшим бельгийским флажком на зубочистке, и моя внутренняя инстадива потребовала срочно это купить, сфотографировать и съесть.

Когда я расплатилась, парень-продавец что-то сказал мне вслед, но я уже направлялась к вокзалу и не слушала его.

Кульминация

Пройдя метров десять, я остановилась, чтобы достать телефон и сфотографировать это чудо. В левой руке я держала еду, правой настраивала камеру. Ничего не предвещало беды. И тут...

Мне. В голову. Врезалась. ***. Чайка.

МОРСКАЯ ЧАЙКА, КАРЛ (если кто-то думает, что она была маленькой и милой). Я заорала. Чайка отлетела. Проходившая мимо женщина расхохоталась.

Подставы от птицы я не ожидала. Гигантский птах на расстоянии метра в три уставился на меня. Это точно было хладнокровное покушение. Наверное, бельгийское правительство не разработало социальную программу по поддержке молодых чайковых семей, и поэтому они готовы на все. Но это было уже слишком: расчетливый удар в голову, чтобы сначала вырубить меня, а уже потом забрать еду. А может быть, и душу, я не уверена.

Эта «прелесть» шла (пешком!) за мной еще минут пятнадцать, пока креветки были у меня в руках, и зыркала. Криповатое зрелище на самом деле. Но комичность ситуации зашкаливала.

Мораль

В моей истории есть целых два «поняла». А именно:

1) И тогда я поняла, что чайки – мрази;

2) а еще поняла, что пора учить английский. Потому что продавец еды сказал мне: «Beware of birds»³⁷.

Вот и все. Берегите себя (от чаек).

---

³⁷ Beware of birds (*англ.*) – остерегайтесь птиц.

Кулон с кристаллом

Рита Симонова

Солнечногорск – Москва

Веб-дизайнер

В то время я жила в боливийском городке Оруро. Марсианский горный пейзаж, смешанный с боливийской реальностью. Обычно туристы приезжают сюда, чтобы увидеть самый знаменитый в Боливии карнавал, но к тому моменту все танцовщицы уже давно сняли перья и смыли яркий макияж. А я тогда зарабатывала на путешествия продажей самодельных украшений. Здесь они продавались очень неплохо, поэтому я день за днем откладывала отъезд.

Боливия – родина кокаина, самого дешевого и чистого в мире, и грех было не воспользоваться возможностью, пока я была там. Мне всегда было интересно, как и где продаются наркотики. В Мексике, например, во многих небольших городках их можно купить прямо в магазинчиках у дома – вместе с шоколадками и пивом опытная сеньора просунет в кулачке пакетик с белым веществом. В Оруро же дешево можно купить и кокаин... у проституток. Есть там такая улица на выезде из города, где все здания – публичные дома. Атмосфера там не самая спокойная, и мой тогдашний боливийский парень долго не соглашался взять меня с собой. Но одним прекрасным вечером он изменил свое решение, и мы прямо с нашей насыщенной точки продажи отправились туда. Темнело. Я, блондинка в шортах, ехала в публичный дом. Хорошее начало.

В первом доме нас встретил длинный коридор с дверями по обе стороны. Некоторые были закрыты, у других дежурили их хозяйки. Невысокие, фигуристые боливийки в коротких платьях в обтяжку – в Южной Америке пышных форм не стесняются. Я бросила взгляд внутрь их комнаток: кровати с несвежими простынями, полумрак. Но самое впечатляющее ждало дальше: некоторыми проститутками оказались не молоденькие девушки, а настоящие чолиты³⁸ – боливийские сеньоры в традиционных цветастых юбках, с фартучками, косичками и неизменными шляпками. Социальное разделение действовало и здесь – потомков индейцев не смешивали с боливийцами европейского происхождения даже в таких местах.

Пока я осматривалась, мой парень уже успел подружиться с двумя молоденькими работницами. Я стояла перед ними, держа на плече доску с приколотыми рукодельными кулонами – это очень удобно, потому что не нужно каждый раз раскладывать все на земле. Не то чтобы я планировала продавать хенд-мейд в таком месте, просто заходить домой было не по пути.

Но тут одна из девушек заинтересовалась. Попросила снять несколько, убежала в свою комнатку, чтобы примерить их перед зеркалом, и с горящими глазами спрашивала подружек, какой из кристаллов лучше смотрится на ее пышной груди. На секунду мне показалось, что я в «Заре» где-нибудь в Москве, а не в публичном доме Боливии. В конце концов девушка выбрала один, расплатилась и, абсолютно счастливая, убежала хвастаться перед другими своей обновкой. И тогда я поняла, что глубоко внутри, куда бы ни забросила нас жизнь, в нас по-

---

³⁸ Чолитас, или чолы – изначально имело унижительный характер и обозначало детей женского пола, рождающихся у испанцев и женщин из индейского племени. Сейчас так обращаются к женщинам индейского племени аймара.

прежнему живут обычные девочки и мальчики, которым хочется радоваться совершенно простым вещам.

Одуванчики

Шахноза Сарикова

Москва

Координатор проектов

Это теплая майская история. Тогда я уже год общалась по переписке с мальчиком из другой страны. Он приехал ко мне в Москву к 23 мая – именно в этот день год назад я бессовестно завалилась к нему в личку безо всякого приветствия.

Саша приехал всего на неделю, в самый разгар зачетной сессии – приоритеты были расставлены быстро (позднее это обернулось для меня кучей осенних пересдач, но тогда это было не важно). Все, что мы делали, – гуляли дни и ночи напролет. Каждый день я забежала в университет, чтобы сдать очередной предмет. Саша всегда ждал меня снаружи. Мы тогда еще не встречались. И потом не встречались тоже, ведь это очень короткая майская история.

Но в ту неделю мы ходили, держась за руки, устраивали свидания на крышах, говорили обо всем на свете и целовались под дождем во дворе заброшенного туберкулезного диспансера на Краснопресненской.

На год знакомства Саша подарил мне цветы. Когда-то я писала ему, что не люблю букеты из магазинов, а он это запомнил. Саша нарвал одуванчиков во дворе моего корпуса, завернул их в крафтовую бумагу из ближайшего цветочного и в таком виде прятал за спиной. В отличие от меня, Саша не был бедным студентом, он мог купить любой букет в магазине, я это знала. И почему-то, когда он вручил мне одуванчики, мне жутко захотелось, чтобы это заметили мои однокурсницы, разъезжавшие на дорогих машинах и получавшие в подарок по половине квартир.

А потом Саша напомнил мне слова из фильма, которые я очень любила: «Помнишь, ты говорила, что одуванчики свободные и не продаются? Я подумал, они на тебя очень похожи».

И тогда я поняла, что вовсе не обязательно хватать звезды с неба, если говоришь человеку о любви. Особенно если между строк сквозит что-то более важное и ценное, что сложно описать словами и можно только почувствовать. Я поняла, что мы и с одуванчиками, и с Сашей действительно очень похожи. И именно по этой причине у нас не будет никакого будущего – два одинаковых заряда всегда отталкиваются, мы оба давно это осознавали.

С того времени уже ничего не осталось. Университет я окончила, цветы и парни на моем пути встречаются самые разные, с Сашей мы не общаемся – это произошло само собой, спокойно, без негатива. А этот желтый букет в коричневой бумаге, перевязанный розовой ленточкой, всегда будет для меня самым дорогим и важным, он запечатан в сердечке так же, как та майская неделя и сам Саша. И я знаю, что это взаимно.

Школьная любовь

ЮЛИЯ Ягудина

Талнах, Норильск – Санкт-Петербург

Финансист

Когда-то давно у меня была первая школьная любовь. Мы, конечно, сидели за одной партой, я списывала с учебника, он следил, чтобы не палили, а потом списывал у меня – так все и началось... Вернее, началось у меня, про его чувства я не знала, но редкие взгляды казались красноречивыми... Лет через десять он умер, а еще года через два, болтая с одноклассником, я услышала фразу:

– Я знаю про вас с Сашей.

И тут я впала в ступор:

– Что знаешь?

– Что вы нравились друг другу.

И тогда я поняла, что, если любишь, не стоит молчать, нужно говорить и действовать, пока не стало поздно.

История спасения котенка

Вероника Бобровская

с. Каргасок – Томск

Консультант в «Иль де Ботэ» днем, веб-дизайнер ночью

Холодным октябрьским вечером я возвращалась с работы домой. Мысли мои были тоскливыми – как и пейзаж за окном маршрутки. У меня крошечная студия в неблагополучном районе, которую я снимаю на треть зарплаты, там меня ждут пять голодных ртов – две кошки и три котенка. До зарплаты больше недели, в кармане – 500 рублей.

В подъезде меня встретило жалобное мяуканье. Это уже было не смешно. Я очень трепетно отношусь к животным, и пять созданий дома – не результат безумия, а забота об одной брошенной беременной кошке.

Я покормила бездомыша и выложила его фотографию в сторис с просьбой забрать на передержку хотя бы на несколько дней. В этот же вечер знакомая прислала 500 р. и попросила свозить его в клинику. Я не могла взять кота домой – он мог заразить малышей, так что ему предстояла еще одна ночь в подъезде.

В ветклинике у котенка нашли гепатит, анемию, истощение и инвазии практически всего организма (инвазии – это обильное заражение паразитами). Также оказалось, что это вовсе не котенок, а молодой кот, который неизвестно когда и что ел, настолько он был худой.

У меня опустились руки. Я не могла его вылечить.

Мне кто-то позвонил.

– Привет, я Лейли, ты меня не знаешь, я увидела репост у знакомой. Помощь требуется?

В этот вечер ко мне приехала девушка и привезла лекарства для Рыжика. Я назвала его так, потому что он был кремового цвета с рыжей спинкой и хвостом. Я взяла его домой, но заперла в туалете.

Лечение началось. Лейли возила нас на своей машине по клиникам, мы искали стационар и писали посты о сборе денег на лечение. На четвертый день мы сидели ночью в машине и курили. Лейли сказала:

– Мы отдали уже семь тысяч. А если еще столько же понадобится? Где мы возьмем эти деньги?

Я посмеялась и ответила, что кот уже идет на поправку, скоро выпишут. Но лечение обошлось дороже в шесть раз.

Хозяйка квартиры выгнала меня из-за кошек.

Долги были как две мои зарплаты. Больше некому было нам помочь, но желание спасти коту жизнь помогало мне держаться. Я начала писать во все волонтерские группы, вести финансовые отчеты, стучалась к блогерам в директ с просьбой сделать репост.

Мы с Лейли не сдавались, просили всех, кого знали, о помощи. И это дало свои плоды. Кот изменился до неузнаваемости – он стал голубоглазым принцем. Красивый, ласковый, ручной кот, который так сильно соскучился по человеку. Я помню, когда я в первый раз ехала с ним на такси и он уснул у меня на руках.

Это история со счастливым концом. Я нашла новую квартиру, Рыжика и котят забрали в прекрасные семьи. Мы смогли собрать 40 тысяч рублей и закрыть долг.

Я тогда резко повзрослела. Никогда до этого я не брала ответственность за чужие жизни. Я нашла подругу, с которой мы пережили два тяжелых месяца. И тогда я поняла, что даже без гроша за душой можно помочь. Главное – желание. Как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей, готовых в сотый раз репостить просьбы о помощи и в сотый раз отдавать последние деньги, чтобы спасти всего одну жизнь.

Скорая помощь

Оля Некревич

Костанай, Казахстан

Фельдшер

Когда-то давно, когда мне было двадцать лет, у меня был вызов к мужчине с ножевым ранением в горло. Моя бригада была ближе всех. Мы прибыли через 2 минуты и увидели красивого мужчину лет тридцати пяти. Он был в сознании, из горла хлестал фонтан алой крови. Все было очень быстро: оказание помощи, дорога, последние слова любви плачущей жене. Остановка сердца, реанимация. Время замерло, мир вокруг прекратил существовать.

Его забрали реаниматологи и хирурги. Я осталась одна, вся в крови и с немой просьбой на губах: «Пожалуйста, пусть живет». Меня называли «фартовой», потому что в мою смену редко умирали люди. И тогда очень хотела в это верить – не для себя, а для него.

Время снова понеслось с бешеной скоростью: станция скорой помощи, душ, новая форма, вызовы. Через неделю мне сообщили, что мужчина выжил. А через год я стала первой, кому он сообщил о рождении сына.

И тогда я поняла, что медицина – это не только про любовь, но и про чудеса!

«Бабушка легкого поведения»³⁹

НАСТЯ Дягилева

Ульяновск – Рязань

Юрист-турист

Когда я впервые отправилась путешествовать автостопом, был 2004 год, и жила я в то время в Ульяновске. Мы сидели с другом, и он сказал: «А поехали в Самару?»

Ну, мы и поехали.

Конечно, перед этим пришлось соврать и маме, и папе о том, куда это я ухожу в свои 16 да на целую ночь. Удивительно, но меня не раскусили. Ощущение внутренней свободы, дороги, полной приключений, – это стало одним из самых крутых событий юности. Хотя юность сама по себе – ярчайшее событие. Но то, что впечатлило меня больше всего, произошло чуть позже.

Май. Улица. Фонарь. Самара. Я сидела на остановке и вглядывалась в темнеющее небо. Друзья рядом просили у прохожих деньги на проезд (на самом деле на еду и бухло). Ко мне подседа милейшая старушка и, как это обычно бывает, сразу завела разговор. Она была очень энергичной, при параде, в украшениях и с макияжем. Так и не скажешь, что пожилой человек. Задав мне дежурные вопросы, бабуля с ходу перешла к делу – предложила мне работу.

Проституткой. Здесь и сейчас. Мол, не трать время (ночь) зря.

– Слышишь, музыка орет из домов? Подойди туда, спроси Артура. Скажи, что от Леночки.

Сказать, что я охренела, – ничего не сказать. Шестнадцатилетняя девственница-неформалка с проколотой бровью и в гриндерах⁴⁰. В тот момент мне стало так смешно, что я не знала, как реагировать: огорчаться, будучи закомплексованным подростком, или радоваться такому предложению? Всю жизнь противоположный пол не обращал на меня внимания – а тут сразу повысили до жриц любви. Пока я ошарашенно гоняла в голове эти нелепые мысли, за жизнерадостной Леночкой подъехала серебристая «Волга».

– Все, пора бежать на работу, – сказала она, широко улыбнувшись.

Бабушка легкого поведения достала красное зеркальце, припудрилась, поправила шиньон – так я это окрестила. Довольно посмотрев в свое отражение, она подмигнула мне и нырнула в автомобиль. От нее просто перло бешеной энергетикой и жаждой жизни. Было видно, что бабушка предана своему делу на все сто (пока еще не лет).

И тогда я поняла, что бабушка, блять, БАБУШКА берет от жизни все и кайфует! А я в шестнадцать лет страдаю, режу вены, трачу юность на слезы из-за каких-то мальчишков, думаю, что я никому не нужна, а еще у меня прыщи. Я как будто со стороны посмотрела на свою жизнь и поняла, как она охуенна. Я сижу ночью в другом городе с друзьями. Для меня, с папой-диктатором и обязательным возвращением домой в 22.00, оказаться в другом городе – это было что-то запредельное.

---

³⁹ Отсылка к одноименному фильму М. Вайсберга, 2017 г.

⁴⁰ Гриндеры, или гриндерсы – тяжелая обувь с высокими голенищами и толстой подошвой.

Я уже побывала на концертах «КИШей», «Зверей», «Психей», знала наизусть все песни «Нирваны», облазила все заброшки в городе, убегала от ментов со смехом, слыша фразу: «Стой, стрелять буду!» Я все время замыкалась в себе и тяжело переживала неудачи. А ведь нужно было всего-навсего посмотреть по сторонам.

Спасибо, Леночка, ты здорово подняла мне самооценку той майской ночью.

Призвание – прочерк

ИРА Дубовицкая

Рязань

– ...

«Вначале пишем фамилию, имя, родной город, призвание или профессию», – сказала Даша Пахтусова. Все бы ничего, но на последнем пункте я заглохла, потому что пару лет назад поняла, что одного слова для этого просто нет.

В то время, отчаявшись разобраться со своей жизнью, я добралась до чтения постов про поиск своего предназначения. Там встречались одни и те же фразы:

«Главное – оставаться верным себе. Спроси себя, что ты любишь? Чем гордишься? Чего хочет твое внутреннее Я?»

Я прилежно старалась найти ту себя, что даст ответ на эти вопросы.

Перелетная птица. Две дюжины стран, полтора года вне России, родные сердца по всему миру.

Птица, вьющая гнезда. Борщи, цветы в вазах, подаренные кастрюли.

Хорошая девочка. Золотая медаль, два красных диплома, президентская стипендия.

Плохая девочка. Алкоголь и марихуана, губы незнакомых мужчин, мат на трех языках.

Преподаватель. Международная компания, разработка курсов, кэмбриджский сертификат.

Художник-самоучка. Синие пряди в волосах, руки в фенечках, акварельные наброски.

Активистка. Волонтерство, походы, групповая йога.

Девочка-задрот. Аниме, диплом по фанфикам, лесной эльф в ДнД.

Ну и кого из этих внутренних Я спрашивать?

И тогда я поняла – хочу и дальше быть каждой из них, не выбирая что-то одно. «Ты можешь быть любым» – это как будто накладывает ограничения, ты должен выбрать какую-то одну грань себя. Но на самом деле ты можешь быть разным. Чем больше граней, тем ярче игра света. Чем больше лиц позволяешь себе носить, тем больше жизнью проживаешь. У тебя слишком мало времени в этом мире, чтобы потратить его всего на одну роль. Главное – оставаться верным себе. Даже если этих себя у тебя с полтора десятка.

Пальчики

Алена Ключкова

Петров Вал – Филадельфия, Биофизик, аспирант

Когда-то, будучи скромной девчонкой из глухой провинции, я пообещала себе стать ученым. Химия, физика, биология, история... Масштаб выбора дисциплины был сопоставим с масштабом моих проблем с самоопределением. С трудом сделав выбор, я переехала в Москву и стала биофизиком. Где-то к 20 годам научный энтузиазм превратился в жажду приключений, безумств и адреналина. Не без помощи друзей, конечно: «Бросай свою науку, будешь всю жизнь сидеть «синим чулком» в лаборатории за гроши! Надо вообще на все забить и махнуть в Америку».

Когда ты молод, тебе море по колено – как пьяному. Ты думаешь, что можешь все и весь мир создан только для тебя. Наверное, поэтому в момент сильных сомнений я, неожиданно для самой себя, отказалась от следующей поездки в Карелию.

Чтобы попасть на свой первый научный турнир. Всего одно «я не поеду» звучало как победа любви к науке над страстью к безумствам. А через пару лет этот выбор подарил мне Америку, друзей, интернациональную любовь, каньоны и новые моральные терзания.

В какой-то момент я поняла, что в науке, как и в любом большом деле, всегда есть темная сторона. В биологии – это работа с животными. Однажды я услышала разговор мужей моих коллег. Они были далеки от экспериментальной биологии, но благодаря супружеству оказались невольно в это втянуты.

– Представляешь, моя жена каждый день мышей убивает! А иногда десятки. Как она это делает?! Да я даже букашку не могу лишить жизни.

– Ну и моя.

После этого быстрого ответа воцарилась тишина. Большая часть людей, находившихся в тот момент в комнате, каждый день проводят эксперименты с животными. В какой момент это стало нашей работой, рутиной? У каждого свой способ абстрагироваться. Я до сих пор помню свою первую мышь и экзамен по правильному усыплению животного. От твоих рук зависит уровень боли, и нужно уметь брать на себя эту ответственность. Никогда не забуду, как плакала Сашка, когда ей пришлось вымачивать уже мертвую мышь в стерильном растворе. Помню, как слушала лекцию, где в качестве экспериментальной модели использовали эмбрионы мышей, и испытывала облегчение от осознания, что мне с этим не работать. Вы только представьте, каково это – вскрывать беременную мышь? И, как будто читая мои мысли, буквально через неделю начальник дал мне задание – получить клетки из мышинных эмбрионов. К этому эксперименту я морально готовилась почти месяц. В безуспешных попытках абстрагироваться я неожиданно поняла, что не дает мне сделать это.

Пальчики. Пальчики и ногти. Вот ты смотришь на мышечный препарат человека – и для тебя это всего лишь коричневые волокна, источающие едкий запах формалина. Никаких ассоциаций с реальным человеком. Но стоит тебе посмотреть на пальцы, на запекшуюся кровь и грязь под остатками ногтей, как сразу же накатывает неприятное осознание, что это был человек, который дышал, чувствовал и мыслил. С мышинными эмбрионами происходит то же самое. Сначала кажется, что это просто белые фасолинки. Ты измельчаешь все лазером, а после приглядываешься, чтобы увидеть, что же там получилось. Среди этой белой массы глаза сразу

выхватывают пальчики. И в твоём сознании эта «каша» превращается в живое существо. Пальчики – то, что не позволяет мне забывать, что я работаю с некогда живыми созданиями.

И когда, казалось бы, я к этому привыкла, меня отправили в лабораторию, в которой ставят эксперименты на крысах и собаках. На животных, которые все помнят. Я не знала, как с этим справиться. Как и не знала ответа на мамин вопрос: «А ты точно подумала, чтобы потом не плакать?» Времени думать у меня не было, и я просто пошла туда работать. За три месяца, проведенных там, я ни разу не рискнула посмотреть на этих собак своими глазами. Лишь изредка я поглядывала в монитор коллеги, который следил за их поведением по видео. Я знала одно: им не будет больно, но усыпить их придется. И мне бы не хотелось быть этим человеком. Кто-то может работать с собаками, но точно не я. Теперь у меня снова мыши, а точнее, сотни их душ на моей совести и страницах моей диссертации.

И тогда я поняла, что наука – это не только открытия. Наука – это еще и принятие. И порой оно дается слишком тяжело.

Я уж думал, ты не попросишь

Вика Слугоцкая

Санкт-Петербург – домик в лесу близ Ладожского озера

«Дотянуться до каждого темного угла и принести туда Свет»

Я сидела за стойкой администратора в гостинице и каждую свободную минуту строила планы, как побыстрее уехать навстречу сразу нескольким мечтам: первое соло-путешествие, Южная Америка, волонтерство с детьми, встреча с океаном и объятия с альпакой.

Но на пути, как камни поперек реки, возникало нагромождение нерешенных вопросов: деньги на билеты и проживание, выбор волонтерской организации, поиск подработки и так далее. Когда проблем слишком много, нужно превратиться в реку и неспешно преодолеть камни, пуская в сознание новые пути решения. Однако деньги – самый большой камень – оставались проблемой. Откладывать поездку на далекое будущее не хотелось, и мозг мгновенно заработал, соединяя воедино все, что могло помочь построить невидимый мост между Санкт-Петербургом и Лимой.

В тот же день, вспоминая разных людей из путешествий, я вспомнила один вечер в Харлеме в Нидерландах. Я с сестрой и Рейнаути – парнем, с которым мы познакомились на серфинге, – сидим на кухне его пентхауса с бокалами белого вина. На его самодельных часах мигает «4:00». Он математический гений, окончил магистратуру в Кембридже, а мы с сестрой покрываемся мурашками от того, что случай привел нас к этому волшебному человеку. Мы долго говорили о мечтах и страхах, и в какой-то момент Рейнаути сказал:

– Пообещайте мне кое-что. Когда вы точно решите, чего хотите, и вам не будет хватать только денег для осуществления этого, я все решу.

Мы продолжали созваниваться, и я знала, что он не отказался от своих слов. Решено!

Свое послание я настрочила в эмоциональной эйфории, написав, что никогда не делала ничего подобного в своей жизни и приму любой его ответ, потому что даже для меня это too much, однако как-то он упоминал о своем желании помочь, когда придет время, и сейчас для меня именно такое время.

Ответ Рейнаути перевернул мое отношение к жизни: «Пришли фото паспорта, я все оплачу. Уже боялся, что ты не осмелишься написать!»

И тогда, получив это сообщение, сидя за ресепшеном с учащенным пульсом, преодолевшая оковы вечного «а если не получится», я поняла, что наш внутренний огонь – то единственно важное, что никогда не заменит ни одна золотая кредитная карточка, модельная внешность и дорожные бренды. Это то, что позволяет тебе мечтать, исполнять эти мечты и гореть пламенем жизни. Ведь, имея все, можно не чувствовать и не хотеть ничего, а не имея ничего – можно быть бесконечно живым. В такие моменты вера в себя и в людей становится размером с весь земной шар.

Вылетая из Питера и сжимая в руках распечатанные билеты, я впервые за долгое время плакала от счастья.

Димка

ЛЕРА Кажура

Тольятти – Сочи

Новостной журналист

История, которая произошла со мной больше десяти лет назад, уже давно превратилась в байку для маленьких кухонь, костров и отпугивания «не своих». Иногда мне кажется, что в ней больше смешного, чем грустного. Иногда – наоборот.

Мне было 15, когда сестра познакомилась в интернете со странным парнем, у которого был еще более странный друг. Звали его Дима. Он был старше меня на четыре года. Небольшого роста, с маленькими ладонями и глазами, с длинными светлыми волосами, неаккуратно спадающими на плечи. Он много шутил, носил мешковатую одежду, картавил и постоянно курил. Мне он совсем не нравился, но, когда в первый же день Дима предложил отношения, я согласилась. Он был взрослым, а я – любопытной и, если честно, совсем еще несмышленной девчонкой.

Все было коряво с самого начала. Дима постоянно пропадал, а когда появлялся, рассказывал невнятные истории, на которые я охотно велась. Например, он часто упоминал про сестру-двойняшку, которую никто никогда не видел. Мы много целовались, но на секс он даже не намекал.

Я и сейчас хорошо помню, как сильно прикипела к нему, все прощала, строила планы. Мы вместе отметили Новый год. Я познакомила его со своей семьей и друзьями. Он учил мою маму водить машину. Навещал мою сестру в больнице. А через три месяца я узнала, что Дима – девочка.

В тот день мы сидели в машине с его близкой подругой. У нее было оранжевое лицо, черный пуховик и такие же черные ресницы. Без прелюдий и подготовки она, обнимая спинку автомобильного кресла, так и сказала: «Дима – девочка». И ничего больше. Пока мои подруги мечтали о мальчиках из параллельного класса, переживали о прыщах и месячных, я пыталась понять, как так получилось, что меня целовала девочка по имени Дима.

Уже потом я увидела ее водительские права с именем «Алена». Нашла ее родного брата, который рассказал, как родители пытались «вылечить» ее, но махнули рукой. Уже потом я нащупала под ее толстовкой эластичные бинты, которыми она много лет заматывала грудь третьего размера. Сошлось все. И вранье про сестру-близняшку, и то, как по-женски она держала бокал, и отказ от пресловутого секса. Но все это было потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.